

С. В. Коростелев

**КОНТУРЫ СТРАТЕГИИ
ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Монография

Санкт-Петербург
2022

УДК 327.5
ББК 66.4
К68

*Публикация подготовлена при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-011-00156 А) «Легитимация вмешательства
во внутренние вооруженные конфликты
(международные правовые аспекты)»*

Рецензенты:

В. В. Пыж, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного университета им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург);

О. В. Подкорытова, канд. юрид. наук, доцент, советник отдела правовой экспертизы Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург)

Коростелев С. В.

К68 Контуры стратегии применения силы в современных условиях : монография / С. В. Коростелев. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. — 86 с. ISBN 978-5-89781-747-4

Цель монографии — раскрытие сущности методологических разночтений в определении проблемы стратегии «гибридного» применения силы и возможности использования данного конструкта при формировании стратегии применения силы, в том числе при необходимости вмешательства во внутренние дела государств. Состояние современной среды безопасности привело к увеличению количества сфер столкновения интересов акторов, сложности и динамичности конфликтов, непредсказуемости их исходов. Практика присвоения международной ответственности и развитие обеспечивающих ее международных институтов формируются синхронно изменениям геополитических факторов. Современные изменения в балансе сил в конечном итоге привели к такому состоянию международной среды безопасности, которое делает неизбежным обращение различных международных акторов к «гибридному» применению силы.

Работа представляет интерес для специалистов, изучающих военно-политические проблемы международных отношений, и специалистов в сфере военного управления.

УДК 327.5
ББК 66.4

Оглавление

Введение	4
1. Современная среда безопасности: общие, национальные и частные интересы	7
2. Содержание предмета политики вмешательства во внутренние дела государств	23
3. Определение «гибридности» применения силы	26
4. Проблема определения предмета «гибридности» для современного политического дискурса	31
5. Проблема определения содержания феномена «победы» для «гибридных» актов применения силы	36
6. Содержание предмета института вмешательства во внутренние дела государств в эпоху противостояния ведущих держав в период холодной войны	40
7. Современное содержание предмета института вмешательства во внутренние дела государств	44
8. Вмешательство в рамках Главы VIII Устава ООН: Региональные соглашения	48
9. Определение современного объекта применения силы при осуществлении вмешательства во внутренние дела государства (кибернетические конфликты)	58
Заключение	74
Литература	78

Введение

Стратегия применения силы является результатом политического консенсуса, который формируется при создании и реализации планов обеспечения безопасности нации и подчиненных им военной и других национальных стратегий. В широком смысле любая стратегия — это неформализуемое искусство. А в аспектах своего практического приложения стратегия также является и наукой, поскольку опирается на формальные схемы, которым необходимы единая интерпретация терминологии, следование обуславливающим принципам, согласованность и преемственность с другими теориями и дисциплинированный творческий мыслительный процесс.

Отправной точкой создания стратегии является формулирование национального смысла (*самоопределения нации*), т. е. основ — непреходящих философских, моральных, правовых и иных ценностей и убеждений народа, — сформулированных относительно изменчивого внешнего мира (и не в последнюю очередь для него). То есть создание стратегии является динамичным процессом, который проходит во времени, определен в пространстве и опирается на свойства взаимодействующих акторов. Из самоопределения нации (а по сути, выказанного ответа на вопрос «кто мы?»), а также из понимания внутринациональных и внешних ограничений государства формулируют сущностные национальные интересы.

Всякая нация имеет сущностные интересы в сферах: 1) обеспечения безопасности родины: защита народа и территории от вооруженного нападения и других форм вмешательства извне, чтобы обеспечить выживание народа и сохранить политические институты; 2) поддержания такой устойчивости международного порядка, при которой обеспечивается экономическое благополучие нации; 3) легитимации национальных ценностей.

В процессе формулирования стратегии лицу, принимающему решения, необходимо выходить за рамки сущностных стратегических интересов, имеющих качественный характер, к более конкретным интересам национальной безопасности — национальным целям, имеющим количественный (измеримый) характер. Эти количественные величины дают более подробную информацию о потребностях и стремлениях нации и доступных ей ресурсах, поскольку дают информацию о взаимосвязи между внешними

и внутренними аспектами национальной безопасности и, таким образом, являются отправной точкой для определения стратегических целей, достижение которых обеспечивает ее безопасность.

Усилия институтов государства, в свою очередь, должны сосредотачиваться на достижении национальных стратегических целей в данных сферах. Конечно же, производимая органами государственной власти оценка опасностей, угроз, рисков и возможностей во многом имеет субъективный характер, что неизбежно сказывается на представлении и заявлении роли нации вовне и расстановке национальных стратегических приоритетов.

Обеспечение безопасности населения всегда является главным приоритетом государства, но во все более глобализованном мире, наполненном вненациональными субъектами, имеющими возможный доступ к технологиям массового уничтожения, решение такой задачи, как это ни парадоксально, может потребовать опоры не на обеспечение собственного верховенства в балансе сил, а на равноправное встраивание в систему тех международных отношений, которые способствуют глобальному экономическому процветанию: не только емкость национального рынка, но и глубокая встроенность в транснациональное разделение труда способствуют безопасности нации.

В то же время обращение к силе остается одним из основных инструментов обеспечения национальной безопасности ввиду отсутствия общности интересов как у собственно государств-наций, так и у не связанных с ними акторов.

В общем случае процесс формулирования стратегии применения силы основывается на выявлении баланса целей ведущих акторов (определении желаемого состояния международных отношений), форм и способов применения силы и доступных средств (не только собственно «военных» средств, но и других элементов национальной мощи, в совокупности составляющих мобилизационный потенциал нации). При этом представляется очевидным, что достижение национальных целей возможно лишь при достаточности национальной мощи, которая всегда относительна, поскольку зависит не только от состояния среды международной безопасности, но и от внутринационального устройства. То есть создание стратегии предполагает постоянное и тщательное исследование состояния всех элементов национальной мощи в самом широком смысле.

Основываясь на собственных субъективных стратегических представлениях, политическое руководство национального государства формулирует «национальную» политику в различных сферах национальной

безопасности через широкое толкование совокупности воззрений на роль нации в глобальном мире, ее основные цели и пути их достижения и доступные ей ресурсы.

Оценка такой национальной политики внешними акторами выводится из результата сведения в единое суждение: 1) различных форм ее представления в диапазоне от официальных нормативных актов до заявлений и выступлений представителей органов государственной власти, их ответов на запросы общественности и прессы относительно определенных аспектов национальной безопасности, как для текущих событий, так и в отношении долгосрочных прогнозов; 2) собственных оценок внешними акторами качеств соперничающей нации и ее государства.

1. Современная среда безопасности: общие, национальные и частные интересы

Содержание понятий «национальная безопасность» (равно как «общественная» и другие виды безопасности), «национальные интересы» (равно как «угрозы», «опасности» и «риски» для данной сферы общественных отношений) в современном российском политико-правовом дискурсе является достаточно новым предметом доктринальных споров и до настоящего времени не определено в нормах права¹.

Мирное существование и экономическое процветание очевидно являются важнейшими из желаемых состояний мироустройства для населения любого из государств — членов международного сообщества наций. Такое состояние защищенности от воздействия внешних, внутринациональных и иных опасностей, угроз и рисков², а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного (антропогенного) характера в различных сферах жизнедеятельности часто определяется ими как «национальная безопасность».

Содержание феномена безопасности нации определяется с учетом ее текущего положения в международном сообществе и ее перспектив,

---

¹ «Концепции» и «стратегии», по мнению ряда авторов, не обладают признаками нормативности. См., например: *Ирошников Д. В.* Документы стратегического планирования в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 3(35). С. 33–38.

² Для целей данного исследования предлагаются следующие определения: к «опасностям» отнесены потенциальные возможности причинения ущерба (вреда) объектам национальной безопасности, а к «угрозам» — реальные возможности причинения ущерба (вреда) объектам национальной безопасности. При этом к «рискам» отнесены возможности наступления событий, влекущих причинение ущерба (вреда) объектам национальной безопасности в результате действия (бездействия) субъектов национальной безопасности. Данная классификация осуществлена на основании критериев «неизбежности» и «неминуемости», которые лежат в основе доктрины упреждения. Также такое использование терминов «опасности» и «угрозы» предполагает переопределение сущности пришедших из западной доктрины терминов «вызовы и угрозы».

каковые обуславливаются, соответственно, переменными свойствами международной среды безопасности³, которая: *изменчива* — природа, скорость и динамика изменений являются катализаторами неустойчивых и непредсказуемых ситуаций; *неопределенна* — отсутствие предсказуемости предопределяется недостаточной осведомленностью о возникающих проблемах и потоках событий и непониманием их сущности; *сложна* — на процессы принятия решения и планирования действий влияют большое количество факторов, сил, проблема подмены предметов споров, хаос в функционировании национальных и международных институтов; *неоднозначна* — существует неизбежная вероятность выбора неправильной оценки реальности, понимания правил игры или причинно-следственных связей для фактов и событий, которые на первый взгляд представляются очевидными и несложными.

Именно ввиду переменчивости среды безопасности и, соответственно, изменения свойств ее акторов и их места в международной властной иерархии создать жестко формальное определение для «национальной безопасности» не представляется возможным. Это непрерывный процесс деятельности органов государственной власти по осознанию и переопределению проблем безопасности (опасностей и угроз) и поиску способов реагирования на них.

В данном процессе очевидными предполагаются два измерения: психологическое и «материальное»⁴: состояние национальной безопасности во многом определяется тем, насколько мыслящая часть общества признает проводимую государством политику по обеспечению выживания и устойчивому развитию нации соразмерной и достаточно обеспеченной ресурсами для противодействия опасностям и угрозам.

Безопасность каждого из государств-наций в международной системе обеспечивается в рамках взаимодействий, определенных и ограниченных предписаниями, принадлежащими к классу «общих интересов» международного сообщества. Такие интересы определены как минимум в

---

³ В общем случае состояние свойств среды безопасности определяется акронимом VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity — изменчивость, неопределенность, сложность и неоднозначность). См., например: *Yarger H. R. Strategic Theory for the 21st Century: The Little Book on Big Strategy*. Carlisle Barracks, PA : U. S. Army War College, Strategic Studies Institute, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/> (date of access: 15.11.2022).

⁴ *Sarkesian S. C. U. S. National Security: Policymakers, Processes, and Politics*. 2nd ed. 1995. P. 4–29. ISBN 1-55587-411-8.

Преамбуле и ст. 1 и 2 Устава ООН⁵, Декларации о принципах международного права⁶ и ряде других документов, широко известны, признаются и составляют институциональную основу международной безопасности. Но даже в рамках такой регламентированной системы происходит столкновение интересов ее субъектов.

Борьба за власть в международной системе является неизбежной, поскольку государства созданы людьми для удовлетворения своих частных интересов, что, в свою очередь, предполагает конкуренцию государств и других акторов как минимум за ресурсы для обеспечения выживания либо устойчивого развития нации. Эта задача может быть решена государством лишь через создание такого политико-правового механизма, который сможет эффективно объединить доступные инструменты национальной мощи для обеспечения нации необходимого места в мировом балансе сил⁷.

Для описания как самой системы международных взаимодействий, так и свойств составляющих ее основных субъектов — национальных государств, оспаривающих власть внутри системы, используется базовое понятие «национальные интересы» — совокупность качественных характеристик нации, определяющих ее как независимое и самодостаточное сообщество, имеющее долгосрочные и стабильные цели, которые позволяют обеспечить ее выживание и устойчивое развитие, политическую суверенность и культурную самобытность⁸.

---

⁵ Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.11.2021).

⁶ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 27.11.2021).

⁷ Предполагаю возможным определить, что объектом системы международной безопасности является «власть», которая оспаривается национальными государствами — основными ее субъектами.

⁸ Пп. 2 п. 5 ч. I Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определяет национальные интересы Российской Федерации как «объективно значимые потребности личности, общества и государства...». В таком определении очевидны две серьезные методологические ошибки: 1) не определяется, что составляет «объективный» характер «значимых потребностей»; 2) заявляется о существовании потребностей у «государства», что вступает в противоречие с основ-

Все этапы образования и существования нации происходят между крайних состояний дихотомии «выживание / устойчивое развитие». В каждый конкретный исторический период органы государственной власти должны определять важнейшие направления сосредоточения своих усилий⁹, а также количественно измеряемые ориентиры¹⁰, достижение которых должно обеспечить реализацию многообразных интересов нации.

В общем случае мощь государства (либо влияние государства) во внешнем мире определяется как его собственными возможностями, так и совокупными характеристиками союзов, которые данное государство образует с теми государствами, с которыми оно имеет совпадающие интересы.

Предполагаем, что выбор модели построения взаимоотношений акторов также происходит в рамках дихотомии «стремление к изоляции / стремление к верховенству».

Во-первых, стремление к изоляции предполагает, насколько это возможно, удаление нации от участия в тех международных взаимодействиях, которые для нее предполагаются нежелательными. В идеальном случае приближенное следование такой модели представляется возможным, если страна имеет выгодное географическое положение, значительный экономический и военный потенциал, включая наличие ядерных средств сдерживания. В этом случае минимизируется участие в обременяющих союзах, международных организациях и соглашениях, которые могут сделать государство заложником конфликтов интересов их участников. Также предполагается отказ от применения силы для изменения миропорядка, продвижения своих несущественных экономических интересов и не только национальных, но даже и общечеловеческих ценностей на территориях других участников международного общения. То есть государство следует в максимально возможной степени политике невмеша-

---

ными постулатами теории государства и права и практикой Нюрнбергского трибунала, о чем будет сказано ниже.

⁹ Для целей данного исследования предлагается следующее определение для важнейших направлений сосредоточения усилий государства: *национальные стратегические приоритеты* — важнейшие направления сосредоточения усилий органов государственной власти на пути движения к национальным целям, на обеспечение которых в приоритетном порядке направляются ресурсы.

¹⁰ Для целей данного исследования предлагается следующее определение для количественно измеряемых ориентиров: *национальные цели* — фундаментальные количественные ориентиры, определяемые органами государственной власти для обеспечения жизненных, важных и значимых национальных интересов.

тельства в сферы интересов других акторов, но не допуская при этом вмешательства в свои дела. Такая модель поведения исключает участие в каких-либо конфликтах, кроме тех, что угрожают неприкосновенности и целостности национальной территории, межэтническому и межконфессиональному миру, безопасности граждан в стране и за рубежом, экономическому благосостоянию и сохранению национальных ценностей: именно такие *базовые константы, относительно которых строится нация, определяются как «жизненные национальные интересы».*

Очевидным образом, самоизоляция нации в современном мире не представляется возможной: для ее устойчивого развития необходимо как минимум участвовать в международном разделении труда и, следовательно, гармонизировать общие, групповые и частные интересы, например в сферах поддержания мира и стабильности, которые необходимы для обеспечения международной торговли — защиты мировых и региональных рынков. Это предполагает координацию воли акторов в рамках международных институтов, т. е. передачу последним части своих суверенных прав, а также ресурсов для обеспечения их функционирования. Такую категорию констант, подлежащих защите и относительно которых строятся взаимоотношения с другими акторами, можно определить как *«важные национальные интересы»: региональная стабильность, свобода доступа к мировым рынкам, устойчивые союзные отношения, возможности по продвижению национальных ценностей.*

Вторая крайняя парадигма — стремление к верховенству — предполагает масштабное и активное участие нации во всем спектре международных отношений, что, в свою очередь, возможно лишь в том случае, когда ее мощь достаточна для самостоятельного поддержания общего состояния мира. Для актора с такими свойствами наибольшую угрозу национальной безопасности представляет лишь появление равного ему соперника. Данная парадигма критично оценивает возможности международных институтов по обеспечению общих интересов в сфере безопасности и, соответственно, исключает полагание на них для защиты национальных интересов, за исключением ситуаций защиты своих несущественных интересов.

Возможности государства по проведению политики верховенства (а равно и иной другой) «зависят от его географических особенностей (размеров территории, ее конфигурации и характеристик, расположения); численности населения и его характеристик; наличия естественных ресурсов и сельскохозяйственного потенциала; эффективности и гибкости промышленности; состояния транспортной и телекоммуникационной

инфраструктур; общего экономического потенциала и жизнеспособности экономики... наличия у населения воли к совместному продвижению к общим целям, доверия к правительству; эффективности правительства и пр.»¹¹.

Верховенство в первую очередь обеспечивается весом государства в мировом разделении труда. Относительный вес государства в мировой политике в настоящее время может быть предопределен, например, по шкале взносов ООН¹², основанной на платежеспособности государства, определяемой на основе валового национального продукта, скорректированного с учетом суммы факторов, включающих доход на душу населения. Так, например, доля США в настоящее время составляет 22%¹³. А в момент окончания Второй мировой войны более половины мировой продукции производилось в этом государстве¹⁴. В 1960 г. эта доля снизилась до 40%, в 2019 г. — до 24%¹⁵. Следовательно, претендовать на осуществление «верховенства» в современной международной политике в настоящее время ни одна нация не может, и для продвижения своих национальных интересов она неизбежно должна обращаться к международным институтам, т. е. к нациям, объединившимся относительно общих для них в

¹¹ Коростелев С. В. Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях : дис. ... д-ра полит. наук. Научная специальность: 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. СПб., 2021. С. 52 [Электронный ресурс]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_korostelev.pdf (дата обращения: 17.11.2021).

¹² Вопросы финансирования ООН // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/aboutun/finance/contrib.shtml> (дата обращения: 16.11.2021). При этом доля взносов государства не может превышать 22%.

¹³ Доля Китая по шкале взносов ООН — 7,921%.

¹⁴ Cardwell C. M. NSC 68 and the foreign policy of postwar prosperity: Political economy, consumer culture, and the Cold War. Rutgers. The State University of New Jersey — New Brunswick. ProQuest Dissertations Publishing, 2006. 3203365. P. 72. 35% — от общего объема мирового ВВП, с пересчетом на душу населения — 60%. См.: Chase-Dunn C., Jorgenson A., Reifer T. E., Shoon Lio. The Trajectory of the United States in the World-System: A Quantitative Reflection // Sociological Perspectives. 2005. Vol. 48(2). P. 233–254 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/240760686_The_Trajectory_of_the_United_States_in_the_World-System_A_Quantitative_Reflection/figures?lo=1 (date of access: 20.11.2021).

¹⁵ Bhutada G. The U. S. Share of the Global Economy Over Time // Visual capitalist. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.visualcapitalist.com/u-s-share-of-global-economy-over-time/> (date of access: 12.11.2021). При этом современный размер экономики США составляет более 20,9 трлн долл., Китая — 14, 7 трлн долл.

данный период ценностей. Как справедливо отмечается, «ни Соединенные Штаты, ни какая-либо другая страна не имеет и не может иметь силы для защиты своей безопасности в одностороннем порядке в многополярном современном мире. Даже поверхностный анализ мировых демографических и экономических тенденций на ближайшие пятьдесят лет делает этот вывод неизбежным»¹⁶.

Также необходимо принимать во внимание, что стабильность мирового порядка во многом определяется балансом национальной мощи соперничающих акторов, который во многом зависит не только от состояния национальной экономики, качества вооруженных сил, численности и производительности населения, но и от емкости внутреннего рынка, в том числе тех рынков, где есть высокий уровень потребления произведенной в стране продукции. Емкий рынок и сильная экономика защищают нацию от вмешательства извне не менее чем военная мощь, поскольку такое вмешательство может приводить к падению внутреннего потребления и вмешивающийся может потерять свои рынки сбыта, т. е. причинить ущерб собственной экономике.

Защищенная в конкретный период от угроз извне нация, несомненно, получает возможности для развития, как минимум для того, чтобы соответствовать вызовам переменной среды безопасности. Для успешного самопозиционирования в системе международных отношений и оспаривания притязаний других акторов нация должна обладать способностью мобилизоваться и концентрировать усилия на решении неотложных задач обеспечения своей безопасности. Это возможно осуществлять только в том случае, если у нее, как у целостного субъекта международных отношений, есть устойчивый конституционный строй (*ordre public*), населению страны гарантировано безопасное существование, а устойчивое развитие общества, во-первых, является для населения страны свидетельством разумности политики органов государственной власти в области национальной безопасности, во-вторых, позволяет обеспечивать достаточными ресурсами решение задач обеспечения безопасности. *Такую категорию констант, подлежащих защите и относительно которых строится внутринациональная стабильность участника международных отношений, можно определить как «значимые национальные интересы».* Такие характеристики имеют в общем случае столкновения интересов несущественное значение для дру-

---

¹⁶ Rostow E. V. A Breakfast for Bonaparte: U. S. National Security Interests from the Heights of Abraham to the Nuclear Age. National Defense University Press, 1996. P. 446. ISBN 0-16-035969-4.

гих акторов. Например, в ходе разрешения важных межгосударственных противоречий форма правления государства редко принимается во внимание — вне зависимости от своих внутренних свойств актор должен обладать каноническими признаками государства, а его поведение не должно выводить из равновесия международную систему.

«Политические характеристики государства во внешнем мире, в отличие от внутренней легитимности, основанной на общественном договоре (чаще всего это национальные конституционные нормы), известны — они установлены в международном праве. Субъектность государства с точки зрения возможности вступать в отношения с другими акторами определяется в Конвенции Монтевидео 1933 г.¹⁷ следующим образом: государство легитимно, если оно имеет постоянное население; определенную территорию; собственное правительство; способность к вступлению в отношения с другими государствами»¹⁸. А признаваемое таким образом государство наделяется правами, присущими полному суверенитету¹⁹.

В правовой же доктрине государство, как высшая форма политического объединения индивидов, наиболее полно определяется как эффективная юридическая фикция: его существование обусловлено происходящими в конкретный исторический период социальными и правовыми процессами. Его главное юридическое свойство — как единого образования, подчиняющегося верховенству права, — развилось как результат политического характера объединения, которое индивиды создали для достижения своих частных целей, ограниченных рамками общего блага (чаще всего в сфере обеспечения безопасности и справедливого распределения благ). В этом процессе в рамках предопределенного территориального пространства (страны) происходит объединение частных волей, а взаимодействия единообразно (нормативно) регулируются. Государство является в этом смысле лишь политическим механизмом, обеспечивающим внутринациональную «общественную безопасность», т. е. такое состояние общественной организации — внутринациональных отношений, когда конфликты частных волей должным образом увязаны и согласованы в рамках

¹⁷ Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/151742324-Konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv.html> (дата обращения: 26.11.2021).

¹⁸ Коростелев С. В. Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях. С. 125–126.

¹⁹ См.: Декларация о принципах международного права...

институтов моральных и нормативных ограничений. В таких политико-правовых механизмах обеспечения общего сосуществования всем лицам, находящимся в пределах национальной юрисдикции и территории, гарантируется защита гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав «без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства»²⁰.

Здесь представляется необходимым отметить, что государство, как юридическая фикция, не может обладать собственной волей, интересами и требовать безопасности.

Так, например, определено не только в доктрине, но и в практике. Нюрнбергский трибунал указал: «...в то время как вполне допустимо, в целях установления коллективной ответственности, использовать фикцию об ответственности государства или корпорации, совершенно нетерпимо, чтобы подобное формальное толкование закона могло служить основой для личной безнаказанности... Устав [Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.)] совершенно ясно заявляет, что устанавливается индивидуальная ответственность за преступления, включая преступления против мира, совершенные от имени государства. Государство не является абстракцией. Его права и обязанности являются правами и обязанностями людей; его действия — действиями людей...»²¹

Но, конечно же, «государство-нация» обладает характеристиками объекта и субъекта процесса обеспечения национальной безопасности, если оно таковым институционально определено в общественном договоре, каковым, например, является Конституция Российской Федерации²².

---

²⁰ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ratpol.shtml (дата обращения: 27.11.2021); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 27.11.2021).

²¹ Нюрнбергский процесс : сборник материалов / под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.), Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. Т. I. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1954. С. 148.

²² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 27.11.2021).

В Преамбуле документа установлено: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство... принимаем Конституцию Российской Федерации». Далее, в ст. 1 народ России определяет свое национальное государство: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Представляется необходимым отметить, что в Конституции РФ используются термины «безопасность», «безопасность личности», «общественная безопасность», «экологическая безопасность», «безопасность государства», а в ст. 114, регламентирующей функции Правительства, — «государственная безопасность». Последнее очевидно относится к ошибке в юридической технике, поскольку, как было показано выше, государство, как политический механизм, не обладает собственной волей и субъектностью. Но, что удивительно, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации²³ в числе национальных интересов Российской Федерации выделяет «интересы государства»²⁴(?) и «целостность государства»²⁵(?).

Национальное государство, как и в Конституции РФ, сходным образом определено в Конституции Республики Казахстан²⁶. И также в тексте сосуществуют термины «безопасность государства», «национальная безопасность» и, в ст. 32, «государственная безопасность». Конституция Республики Беларусь²⁷ также сходным образом определяет государство-нацию, но устанавливает единый термин «национальная безопасность», что очевидным образом упрощает определение объекта и предмета деятельности государственного механизма по обеспечению национальной, общественной и личной безопасности.

Также представляется необходимым отметить, что в российском официальном дискурсе (этатистском по существу) в отношении другого вида

²³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 21.11.2021).

²⁴ Там же. См. сноску 8.

²⁵ Там же. П. 25, пп. 2.

²⁶ Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 21.11.2021).

²⁷ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 21.11.2021).

безопасности — «общественной» господствует следующая точка зрения: «общественная безопасность» предполагает защиту «человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»²⁸. Данная позиция представляется ограниченной, поскольку не предполагает защиты индивида от «нарушений прав человека» по смыслу парадигмы ООН: права человека — это универсальные правовые гарантии, охраняющие отдельных лиц и группы лиц от действий органов власти, которые нарушают основные свободы и оскорбляют человеческое достоинство. Такие гарантии создают обязательства для государства и предполагают контроль со стороны международного сообщества. В вышеприведенном случае такая регламентация действий органов государственной власти нарушает суть общественного договора, учреждающего государство.

Субъектами такого общественного договора и процесса совершенствования государства как политического механизма и обеспечения его существования в конкуренции с внешними акторами являются в первую очередь граждане и создаваемые ими институты, такие как органы местного самоуправления, и лишь затем, вторично, уже само государство, осуществляющее свои полномочия через органы законодательной, исполнительной и судебной власти (далее — органы государственной власти).

Индивиды, делегируя некоторую часть своих прав и ответственности государству, предполагают, что оно, как единое лицо, сможет распорядиться предоставленными ему властными полномочиями и ресурсами как для их частной, так и для общей защиты. *Обязанность обеспечения уважения человеческого достоинства*²⁹, которое не может быть попорано ни государством, ни отдельным человеком, обуславливает содержание категории «безопасность личности», которая в этом случае должна толковаться широко, в непреложно полном спектре всех возможных социальных взаимодействий.

---

²⁸ См. п. 4 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 24.11.2021).

²⁹ Утверждение веры в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций является одной из основ функционирования Организации Объединенных Наций. См. Преамбулу Устава ООН.

Так, например, содержание защищенности людей от опасностей как насильственного, так и ненасильственного характера раскрывается в программных документах ООН³⁰:

- свобода от нищеты, голода, болезней и нужды, от страха и насилия, всеобщая грамотность, равный и всеобщий доступ к качественному образованию на всех уровнях, медицинскому обслуживанию и социальной защите, гарантии физического, духовного и социального благополучия, нормальные санитарно-гигиенические условия; безопасная, недорогая и питательная еда; среда обитания человека безопасна, способна противостоять негативным явлениям и экологически устойчива, обеспечен всеобщий доступ к недорогому, надежному и устойчивому энергоснабжению³¹;

- всеобщее уважение к правам человека и человеческому достоинству, верховенство права, справедливость, равенство и недискриминация, уважение к расовому, этническому и культурному разнообразию; равные возможности, отсутствие насилия над детьми и их эксплуатации; гендерное равенство; свобода от социальных барьеров, удовлетворение потребностей наиболее уязвимых групп; и т. д.³²

При этом объектами властных проявлений деятельности государства становятся личность, ее права и свободы; общество, его материальные и духовные ценности; конституционный строй, в том числе суверенитет и территориальная целостность страны.

Следовательно, в зависимости от объекта, подлежащего защите, деятельность субъектов, взаимодействующих в рамках политического механизма государства, предопределяет среду приложения усилий для обеспечения национальной безопасности в целом:

- 1) безопасность личности;
- 2) общественная безопасность;
- 3) защита конституционного строя.

В зависимости от типов опасностей и угроз деятельность субъектов национальной безопасности должна быть направлена на выявление, предупреждение, устранение причин и условий, способствующих их появлению,

---

³⁰ Документ ООН A/RES/70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] 70/1 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 20.11.2021).

³¹ Там же. П. 7.

³² Там же. П. 8.

непосредственному парированию и минимизации и/или ликвидации последствий таких проявлений: во-первых, в среде международных взаимодействий; во-вторых, во внутринациональном устройстве; в-третьих, от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного (антропогенного) характера, а также на снижение соответствующих рисков.

В своих нормативных и доктринальных актах органы государственной власти обязаны определять, представляют ли текущее и прогнозируемое состояние международных взаимодействий и собственное внутринациональное положение опасность или угрозу для защищаемых ими объектов национальной безопасности.

А конкретные мероприятия субъектов очевидным образом должны быть сфокусированы на обеспечении безопасности и защите критически важных инфраструктур³³ нации в сферах: обороны, здравоохранения и санитарно-эпидемиологического благополучия населения, экономики и обеспечения продовольствием, информационного пространства, транспорта, энергетики, экологии, других сферах жизнедеятельности.

В ходе такой деятельности в нормативных и доктринальных актах государства для других международных акторов должны быть объявлены «недопустимые» пороговые значения для посягательств на суверенные права нации в таких сферах (а по сути, определены опасности и угрозы национальным интересам). Заявление таких порогов является неотъемлемой частью деятельности его политического механизма и служит, во-первых, для демонстрации основных ценностей национально-государственного устройства относительно внешнего мира. Эти ценности являются производными от суверенитета и, соответственно, ставят внешних акторов перед необходимостью признавать существование ограничений для реализации своих притязаний. Во-вторых, эти ценности также определяют ограничения и для заявления притязаний государства при продвижении и защите национальных интересов: такие ограничения являются результатом длительного исторического процесса столкновения

---

³³ *Критически важные инфраструктуры* — объекты, системы и службы, разрушение или выведение из строя которых может нанести существенный ущерб (вред) объектам национальной безопасности, привести к нарушению или прекращению функционирования органов государственной власти, местного самоуправления и создаваемых гражданами институтов. См.: Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры» [Электронный ресурс] URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov (дата обращения: 15.11.2021).

интересов акторов и, как его итоги, чаще всего сформулированы в международных нормативных обязательствах, которые необходимо учитывать при проведении внешней и даже внутренней политики³⁴.

Такие ограничения являются идеалистичными и, в некотором смысле, модельными. Например: «Каждое государство обязано воздерживаться от вмешательства во внутренние и внешние дела какого-либо другого государства»³⁵, «воздерживаться от разжигания междоусобицы на территории другого государства и предупреждать на своей территории организованную деятельность, направленную к разжиганию такой междоусобицы»³⁶. Но обязано ли государство воздерживаться от таких, как будто бы противоправных, действий, если масштаб событий на территории другого суверена, не установившего «на своей территории такие условия, которые не угрожали бы международному миру и порядку»³⁷, таков, что начинает угрожать его собственному конституционному строю (*ordre public*)³⁸?

Государство с большей вероятностью вмешается с использованием военных силовых средств в стране — объекте вмешательства, если оно сталкивается с необходимостью защиты своих прямых инвестиций, а также обеспечения поставок, критичных для обороны государства, например редкоземельных элементов, урана и др. Представляется маловероятным, что масштабное силовое вмешательство произойдет в настоящее время для защиты рынка биржевых товаров, таких как нефть, газ, зерно и т. д.

³⁴ Например, ввиду того, что обязательства в сфере защиты прав человека являются общим императивом государств системы ООН.

³⁵ См.: Проект Декларации прав и обязанностей государств. Документ ООН A/RES/375(IV) [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/375%28IV%29> (дата обращения: 29.11.2021). Ст. 3.

³⁶ Там же. Ст. 4.

³⁷ Там же. Ст. 7.

³⁸ Для целей данного исследования предлагается следующее определение для понятия «*конституционный строй*» — это способ политической организации национального государства (доктрина государственной политики, или *ordre public*), закрепленный в его конституции, который характеризуется системой социальных, экономических и политико-правовых отношений — т. е. теми основными принципами, которые лежат в основе регулирования взаимоотношений человека, общества и государственных механизмов и обеспечивают формирование и существование нации. Конституционный строй обуславливает нацию как сообщество с едиными интересами, социальными, моральными, материальными и другими ценностями. Такие интересы и ценности национально-государственного устройства формируются в процессе взаимодействия с внешним миром, т. е. являются проявлением и воплощением суверенитета.

Очевидными инструментами косвенного или прямого вмешательства во внутренние дела государства для поддержки законного правительства для внешнего актора-государства являются все доступные ему элементы национальной мощи.

Но в случае необходимости защиты национальных интересов при неудовлетворенности политикой конкурента государства чаще обращаются к неявным (информационным, подрывным) способам применения этих известных форм вмешательства³⁹. Причем это часто происходит в тех случаях, когда стороной, оспаривающей властные полномочия органов государственной власти, во внутреннем конфликте могут быть как национальные, так и транснациональные корпорации, политические движения и так далее, в поддержке которых может быть заинтересовано внешнее государство (ввиду давления, например, своих национальных корпоративных акторов).

В общем случае запрет вмешательства во внутренние дела государства является базовой нормой международного права. Но понятие вмешательства носит в большей степени описательный, нежели нормативный характер и, конечно же, является вопросом столкновения ценностей, т. е. предметом морали. Любая попытка изменения статус-кво в международной системе для поддержания/изменения баланса сил для защиты национальных интересов оказывает влияние как на состояние правопорядка, так и на оценку содержания справедливости, что неизбежно переводит дискурс в поле моральных парадигм, т. е. ценностей. Но причисление каких-либо «ценностей» к жизненным интересам, на защиту которых должны быть направлены все ресурсы нации, относится к вопросу факта, определяемого, конечно же, не порогами и «красными линиями», заявленными государством, а состоянием баланса сил в международных отношениях.

Всякий акт оспаривания, например, положения «процветающего» государства либо попытка установления контроля ресурсов какого-либо другого государства для обеспечения собственной стабильности — все это получает политико-правовую оценку других участников международного общения. Любой такой акт вмешательства вызывает много споров, а разногласия, как правило, сосредоточены на том, были ли нарушены общие

---

³⁹ *Коростелев С. В.* Основы теории легитимации актов применения силы для защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях становления новой геополитической модели мира. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. С. 5, 129–186.

интересы международного сообщества, т. е. было ли вмешательство необходимым и соразмерным по характеру применения принуждения/попущения. В дебатах обычно игнорируется более глубокий вопрос, допустимо ли вообще такое вмешательство для защиты/продвижения национальных интересов с моральной точки зрения, поскольку у государства, как политико-правового механизма, нет морали.

2. Содержание предмета политики вмешательства во внутренние дела государств

Политике можно дать определение как процессу конкуренции за власть социальных групп или отдельных лиц с несовпадающими интересами. В обеспечении такого процесса постоянно происходит описание, объяснение и предсказание событий политической действительности, т. е. производится поиск ответов на вопросы «кто», «где», «что», «когда» и «как» получает в этом мире. Одним из «как получает» является применение силы, в том числе вооруженной. Применение силы является неизбежным элементом деятельности государственного механизма, но при этом всякий акт обращения к ней в парадигме Устава ООН без санкции Совета Безопасности предполагается «неправомерным». Превышение каким-либо государством социально приемлемого уровня насилия, т. е. нарушение международного обязательства, позволяет другим акторам определять такое поведение как разрушающее его легитимность и порождает у них не только право на самооборону, но и обязанность защищать общие интересы международного сообщества и ограничивать его суверенность, но лишь для наказания индивидов, совершивших преступление против интересов международного сообщества в целом. В противном случае отсутствие реакции на нарушение обязательств *erga omnes* приводит к легализации злоупотреблений правом по требованию невмешательства во внутренние дела и разрушению основ современной системы международных отношений.

Вооруженное и другие формы прямого или косвенного применения силы, угрожающего суверенной правосубъектности и политической независимости государств, всегда получают оценку в межгосударственной практике, а если применение силы выходит за рамки парадигмы Устава ООН — государству-нарушителю присваивается международная ответственность.

Силовые средства, имеющиеся в арсенале международных акторов, могут быть с высокой степенью условности разграничены на «*применение силы*» — «*принуждение*» с использованием средств и методов ведения военных действий и «*применение силы*» — «*понуждение*», т. е. воздействие на

акторов с использованием экономических, дипломатических и иных «невоенных» средств⁴⁰.

В «Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств»⁴¹ (1981 г.) используются два термина — «intervention» и «interference» без установления между ними каких-либо формальных границ. Это приводит к тому, что оба термина зачастую переводятся тождественно как «вмешательство».

«Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета»⁴² (1965 г.) разделяет виды вмешательства «intervention» в общем смысле на «armed intervention» — вооруженное вмешательство (определяя его как синоним «агрессии») и «interference» — все другие формы прямого или косвенного вмешательства. Также в тексте данной декларации можно отметить обращение к таким терминам, как «прямое вмешательство» (direct intervention), «подрывные действия» (subversion) и «все формы косвенного вмешательства» (indirect intervention).

Для целей данного исследования предлагается проводить разделение форм вмешательства «на применение силы (вмешательство с использованием методов и средств ведения военных действий)» (для термина «intervention») и «вмешательство с использованием экономи-

---

⁴⁰ Коростелев С. В. Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях. С. 9. Также предлагается определять при использовании англоязычных текстов «принуждение» как «coercion», «понуждение» как «compellence».

⁴¹ Документ ООН A/RES/36/103. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Резолюция 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 03.12.2019). П. 1: Ни одно государство или группа государств не имеет права осуществлять интервенцию или вмешательство в любой форме и по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела других государств.

⁴² Документ ООН A/RES/2131(XX) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 03.12.2019). П. 1: Никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства. Вследствие этого осуждаются не только вооруженное вмешательство, но также все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов.

ческих, дипломатических и иных „невоенных“ средств» (для термина «interference»).

Также представляется возможным предположить, что, за исключением «военных» средств, все иные средства достижения национальных целей в широком смысле могут быть определены как средства ведения «политической войны»⁴³, поскольку последствия их применения не имеют явных и мгновенно обнаруживаемых последствий, таких как разрушения, человеческие жертвы, потоки беженцев, ущерб окружающей среде и т. д.

---

⁴³ См.: *McInnis K. J., Weiss M. A.* Strategic Competition and Foreign Policy: What is “Political Warfare”? // IF11127. 2019. March 8 [Electronic resource]. URL: <https://crsreports.congress.gov> (date of access: 15.12.2021).

3. Определение «гибридности» применения силы

В любой конфликтной ситуации поведение государств при движении к своим национальным целям может быть объяснено через то, как они *комбинированно и синхронизированно* (как часто определяется в настоящее время — «гибридно»⁴⁴) применяют доступные им средства понуждения и принуждения. В общем случае концептуально «гибридную» войну можно описать как «синхронизированное использование множественных инструментов [национальной] мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей противника во всем спектре общественных процессов, а данная парадигма описывается аббревиатурой MIDFIELD⁴⁵: военные (military), информационные (informational), дипломатические (diplomatic), финансовые (financial), разведывательные (intelligence), экономические (economic), правовые (law), предоставление поддержки (development)». Таким образом, как «гибридные» могут определяться лишь системные действия государственного механизма в целом, но ни в коем случае — действия одного-двух элементов национальной мощи. Соответственно, политика как процесс согласования/конкуренции волея акторов проявляется прежде всего в искусстве комбинации и синхронизации использования доступных инструментов национальной мощи для получения синергетических эффектов в полном спектре общественных процессов при движении к национальным целям.

Является ли проблема «гибридности» новой для международных отношений? Очевидный ответ: нет. Гибридная война — это не новая и неизбежная проблема, характерная именно для современной стратегической среды взаимодействий в сфере безопасности. В истории человечества не было ни одной войны, которую можно было бы определить как «негибридную».

---

⁴⁴ См.: Cullen P. J., Reichborn-Kjennerud E. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare : A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

⁴⁵ Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540 (date of access: 15.02.2021).

В качестве иллюстрирующего примера можно рассмотреть факт торговли нейтральной Испании с воюющими сторонами в ходе Второй мировой войны. Нейтралитет этого государства был выгоден всем — как самой Испании, переживавшей последствия гражданской войны, так и воюющим сторонам: Испания была в то время единственным крупным поставщиком вольфрама на мировом рынке, но в то же время обладала чрезвычайно протяженной береговой чертой, и ее вступление в войну или ее оккупация одной из воюющих сторон привели бы к стратегическому перенапряжению воюющих, поскольку ведение войны против такого государства или его оборона были бы чрезвычайно затратными. Например, в случае установления контроля над ее ресурсами Германия вынужденно бы «поворачивалась спиной» к Советскому Союзу. А для союзников по антигитлеровской коалиции задача обеспечения военных действий при длинных и небезопасных коммуникациях через Атлантику также была бы слишком затратной. Сторонам было намного выгоднее сохранить Испанию в качестве нейтрального источника поставки чрезвычайно необходимого для военной промышленности сырья. Таким образом, на территории Испании осуществлялось экономическое соревнование — стратегический материал продавался за наибольшую цену, которую могли предложить воюющие⁴⁶.

Также в качестве примера политического маневрирования в ходе Второй мировой войны можно исследовать экономическое сотрудничество СССР и Японии. После начала боевых действий в Европе советское правительство, желая избежать войны на два фронта, заключило в апреле 1941 г. с правительством Японии пакт о нейтралитете⁴⁷. Япония, даже после нападения на США и последовавшего объявления Германией войны Соединенным Штатам, продолжала разрабатывать ресурсы на советской территории Сахалина. То есть фактически обеспечивалось нефтепродуктами ведение боевых действий против своего союзника, хотя и в несущественном объеме⁴⁸.

---

⁴⁶ См.: *Wigg R.* Churchill and Spain: the Survival of the Franco Regime, 1940–45. Portland, Or. : Sussex Academic Press/ISBS, 2008. P. xiv, 253; *Коростелев С. В., Качук В. Н.* Некоторые аспекты влияния статуса нейтральности на торговые отношения государств // Вестник ИНЖЭКОНа. 2011. Серия: Экономика. № 3(46). С. 218–221.

⁴⁷ Например, см.: Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, 13 апреля 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1941.html> (дата обращения: 13.11.2022).

⁴⁸ См.: *Шалкус Г. А.* Создание и деятельность японских концессий на северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-i-deyatelnost-yaponskih-kontsessiy-na-severnom-sahaline-v-1925-1944-gg/viewer> (дата обращения: 11.07.2021).

Наиболее яркий пример несомненной «победы» в информационном противостоянии в ходе холодной войны — запуски первого спутника и человека в космос. США в эту эпоху находились на более высоком уровне развития ракетно-космической техники. Так, например, на вооружении ВМС США уже состояли стратегические подводные лодки типа «Джордж Вашингтон», способные осуществлять запуск баллистических ракет из подводного положения. Подводный старт — несомненно, на много порядков более сложная задача, чем простой баллистический запуск. Тем не менее правильно расставленные приоритеты информационной политики закрепили за СССР на долгие годы репутацию ведущей космической державы.

Как минимум приведенные примеры иллюстрируют сочетание политических, экономических, дипломатических, военных и иных усилий, которые обеспечивались интенсивной пропагандой и контрпропагандой противоборствующих сторон, для обеспечения выигрыша в противостоянии.

Какие же реальные причины вызвали в настоящее время к жизни интенсивное обращение к термину «гибридный»? Очевидно, что, во-первых и главным образом, его пропагандистская яркость; во-вторых, относительная новизна дискурса о гибридном характере войны заключается в трансформации организации общественной жизни, возрастающей сложности организации среды безопасности, которая, соответственно, привела к изменению содержания понятия «объект применения силы». Новым объектам применения силы, в свою очередь, должны соответствовать средства и способы, которые могут использоваться конкурирующими за власть акторами.

Новые технологии, быстро распространяющиеся по всему миру, передают все более сложные возможности в руки небольших групп и отдельных лиц, а также расширяют возможности национальных государств. Хотя демократизация технологий может быть полезной, она также может дестабилизировать общество в экономическом, военном и социальном плане. По этой причине достижения в таких технологиях, как вычисления, биотехнология, искусственный интеллект и производство вооружений, требуют особого внимания, чтобы предвидеть тренды их развития и влияния на безопасность.

Участники международных взаимодействий встали перед необходимостью менять доктрину применения силы, систему обороны государства, встраиваться в глобальные экономические связи. А все это требует значительных ресурсных затрат и их перенаправления в иные, очень часто вновь создаваемые, сферы деятельности.

В процессе оценки современной среды безопасности неожиданным образом проявляются одновременно как усиление, так и, наоборот, ослабление неоднозначностей в характеристиках ее свойств, что приводит к тому, что лица, принимающие решения, неспособны действовать в новом контексте⁴⁹.

Сложность исследования проблемы «гибридности» применения силы состоит в том, что оценивать приходится не только военную составляющую национальной мощи государства-соперника, но и его возможности по мобилизации других элементов как своей национальной мощи, так и своих союзников, которые также включены в глобализованную среду безопасности. Если национальная военная мощь практически полностью находится под контролем государства, то ее иные элементы более глубоко включены в транснациональные отношения, сегментированы, расплывлены, замаскированы в сложной системе связей, где не может существовать гарантированной стабильности ввиду неиерархичных взаимодействий большого количества акторов с непостоянными интересами.

Углубление процессов глобализации, усиление экономической взаимозависимости и информационная прозрачность привели к тому, что конкурирующие акторы получили доступ к информации о действительной мощи противника, и у них появилось осознание того, что существование у противника с сильной военной организацией уязвимостей в «невоенных» сферах при синхронном использовании против него широкого спектра ненасильственных средств может изменить статус-кво даже без обращения к вооруженному насилию⁵⁰. Более того, процессы глобализации позволяют конкурентам использовать экономическую открытость и находиться «внутри» критичной инфраструктуры противника.

Информационная прозрачность устранила большинство препятствий для осознания ограничений для применения военной мощи, как собственной, так и противника. В то же время последствия противоборства в иных

---

⁴⁹ В общем случае состояние свойств среды безопасности определяется акронимом VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity — изменчивость, неопределенность, сложность и неоднозначность). См., например: *Yarger H. R. Strategic Theory for the 21st Century: The Little Book on Big Strategy*. Carlisle Barracks, PA : U. S. Army War College, Strategic Studies Institute, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/> (date of access: 10.06.2021).

⁵⁰ Одна из уязвимостей сильных держав заключается в том, что они связаны режимом международного права, установленным после Второй мировой войны. Данный режим налагает на государства обязанность проявлять сдержанность и вести политический диалог в сфере ограничения применения силы. Акторы-«негосударства» такими обязательствами не связаны.

сферах международных взаимодействий приумножают значение фактора неоднозначности для прогнозирования исходов противостояния ввиду ежесекундного изменения баланса сил, изменения структуры и масштаба экономических взаимосвязей и появления новых акторов.

Таким образом, можно видеть, что основная полезность термина «гибридная война» заключается в описании как изменяющегося характера противоборства международных акторов с использованием различных комбинаций всех доступных элементов своей мощи, так и возможностей для «асимметричного» получения преимуществ — без обращения к военным стратегиям «разрушения» либо «истощения» противника, которые используются при полагании главным образом на «военный» компонент обеспечения национальной (только для акторов-государств) безопасности.

4. Проблема определения предмета «гибридности» для современного политического дискурса

Проблема терминологии является одним из основных препятствий для четкого осмысления действия конструкта «гибридности» в политической конкуренции. Активное использование пропагандой определения «гибридный» в сочетании с терминами «война», «угрозы», «боевые действия в серой зоне», «операции», «тактика», «соревнование, не переходящее в состояние войны» привело к значительной запутанности в современном политическом дискурсе, поскольку перечисленные термины практически никогда не увязаны с определением органами государственной власти желаемого для них состояния международных отношений. А если речь идет об исходе столкновения интересов акторов в соревновании или конфликте, то такое желаемое состояние «исторически» определяется термином «победа». Таким образом, определение содержания состояния «победа» является необходимой отправной точкой для начала анализа возможностей обращения к каждому из инструментов национальной мощи в «гибридном» противостоянии.

Именно государствами определяются набор и масштаб использования тех доступных им инструментов, которые они могут применять для обеспечения национальной безопасности.

Получившее широкое распространение в политологическом дискурсе узковедомственное толкование «гибридности» применения силы было дано в статье начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В. Герасимова⁵¹, опубликованной в 2013 г. По сути, была предложена методология «отрицаемого» применения военной силы («военные меры скрытого характера») и ее информационного обеспечения. То есть статья затрагивала вопросы направления строительства и развития Вооруженных Сил на долгосрочную перспективу, использования форм

---

⁵¹ Герасимов В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8(476) [Электронный ресурс]. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html?ysclid=lbm1oii71f478244604 (дата обращения: 21.05.2021).

и способов их применения, и речь не шла о функционировании государственного механизма в целом. Согласно изложенной в статье В. Герасимова концепции, предлагается применять силу, не превышая порогов, за которыми следует присвоение международной ответственности, приходя к «открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте». Но обращение к применению силы является прерогативой как отдельного государства в целом, так и их объединений — универсальных и региональных международных организаций, а не их отдельных военных структур.

Однако «миротворчеством» (в формах «*reacemaking*» и «*peacebuilding*») занимаются международные институты, а вооруженные формирования государств могут быть всего лишь участниками согласованной в рамках этих международных институтов различных форм деятельности по «поддержанию и восстановлению международного мира» (*peacekeeping*), которые осуществляются на основе мандата международной организации либо соглашения конфликтующих сторон. И, очевидным образом, использование вооруженных формирований в рамках мандатов международных институтов не может быть «скрытым». А выход действий вооруженных государственных формирований за рамки мандата международной миссии, т. е. решения задач по поддержанию мира — для обеспечения миротворчества и миростроительства, неизбежным образом становится «нарушением мира» — международным преступлением.

Обращение к необходимости «отрицаемого» применения военной силы, конечно же, обусловлено тем, что в международном сообществе сформирована культура неприятия военной агрессии, оформленная в нормах международных правовых институтов ответственности государств и международных организаций. Субъекты международных взаимодействий, ведущие «гибридные» действия, не отрицают «в целом» своих действий именно потому, что в настоящее время аппарат международного права не предполагает международной ответственности за все способы применения силы, т. е. не за «политическое понуждение», а лишь за военно-силовое «принуждение». Для присвоения ответственности важны непосредственные последствия применения силы. А непосредственность последствий является очевидной лишь в тех случаях, когда агрессивное применение военной силы (регулируемое *jus ad bellum*) превышает установленные международным гуманитарным правом нормативные пороги (регулируемые *jus in bello*). Если нет нарушения мира, масштабных страданий людей,

разрушения собственности, долговременного ущерба окружающей среде и так далее, то, как показывает практика, присвоения международной ответственности, как правило, не происходит. Немасштабное применение силы с неясными последствиями ее применения (например, неуничтожение живой силы и военной инфраструктуры противника, что является характерным для «обычных» военных действий) в межгосударственной практике до настоящего времени не определялось как агрессия.

Этот аспект может быть проиллюстрирован позицией Германии как государства, дважды развязывавшего мировые войны в XX в., при обсуждении Римского статута Международного уголовного суда. Было выдвинуто предположение, что «агрессивное, крупномасштабное вооруженное нападение в явное нарушение Устава Организации Объединенных Наций, направленное против территориальной целостности другого государства и явно не имеющее оправдания согласно международному праву, составляет саму суть этого преступления... необходимо прежде всего рассмотреть те случаи, когда одно государство в буквальном смысле слова пытается „захватить“ или уничтожить другое государство или по крайней мере его части с помощью сконцентрированной и хорошо подготовленной мощи всего своего военного аппарата... представляется, что такие случаи агрессивных, крупномасштабных вооруженных нападений, направленных против территориальной целостности другого государства и явно не имеющих оправдания согласно международному праву, имеют следующие общие характеристики:

- такие нападения имеют определенный размах и определенные масштабы и являются ужасными по своей тяжести и интенсивности;
- такие нападения обычно приводят к самым серьезным последствиям, таким как большие потери среди людей, обширные разрушения, порабощение и эксплуатация населения в течение продолжительного периода времени;
- такие нападения обычно преследуют цели, неприемлемые для международного сообщества в целом, такие как аннексия, массовые разрушения, уничтожение, депортация или насильственное перемещение населения государства, подвергшегося нападению, или его частей либо разграбление государства, подвергшегося нападению, включая разграбление его природных ресурсов»⁵² (эти цели необязательно должны открыто

---

⁵² [Документ ООН] PCNICC/2000/WGCA/DP.4. The crime of aggression: a further informal discussion paper: proposal/submitted by German [Electronic resource]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/427569?ln=ru> (date of access: 12.12.2022). P. 3.

признаваться нападающим государством, но могут быть выведены из соответствующих фактов и обстоятельств)⁵³.

Ряд насильственных действий, в соответствии с данным заявлением, должны в принципе оставаться за пределами преступления агрессии:

«...во многих регионах мира по-прежнему существуют многочисленные конфликтные ситуации, территориальные споры или другие опасные ситуации, влекущие за собой угрозу военных действий между различными государствами. Очень часто эти неурегулированные конфликты и полные напряженности, вражды и постоянной опасности ситуации характеризуются целым рядом насильственных действий и контрдействий.

В таких ситуациях спровоцированные или неспровоцированные боевые действия продолжают время от времени вспыхивать то там, то здесь. К сожалению, многие из этих ситуаций по-прежнему связаны с угрозой применения вооруженной силы или ее применением, причем порой это происходит довольно часто.

Это может принимать форму пограничных стычек, артиллерийских перестрелок и воздушных налетов через границу, вооруженных вторжений, блокад и других аналогичных действий, влекущих за собой применение вооруженной силы... такое использование вооруженной силы, даже если оно является весьма предосудительным и должно быть подвергнуто самому решительному осуждению, не обладает теми крайне серьезными характеристиками, которыми отличаются подлинные агрессивные войны, о которых шла речь выше. Кроме того, во многих из этих конфликтов бывает довольно трудно, а может, даже и невозможно точно определить, кто прав и кто виноват в той или иной конкретной ситуации»⁵⁴.

Таким образом, международная практика в сфере политико-правового обоснования актов применения силы устанавливает некоторые качественные пороги для масштаба использования военной мощи. «Гибридность» же применения силы, предполагающая использование кроме «военных» также и «политических» средств ведения войны, не только не может быть должным образом квалифицирована с помощью классического аппарата международного права, но и приводит к эрозии международного нормативного режима. Более того, разрушение правового режима как основы

⁵³ Коростелев С. В. Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях. С. 108–111.

⁵⁴ Документ ООН PCNICC/2000/WGCA/DP.4. С. 4.

статус-кво международной системы является ее главной специальной целью⁵⁵.

Создаваемые скрытным применением военной силы состояния неоднозначности и неопределенности в международных отношениях не являются его ключевыми задачами. В современной информационно прозрачной среде скрыть и отрицать последствия нападения не представляется возможным — обращение к такому способу состоит лишь в предупреждении немедленной решительной и правомерной реакции жертвы нападения посредством как силовых, так и политических инструментов. То есть речь идет о превентивном изменении баланса сил таким образом, чтобы не дать возможности жертве нападения быстро мобилизовать и согласованно и синхронно применить широкий спектр элементов национальной мощи, как собственных, так и союзников, к которым обращаются в случае традиционного военного противостояния, для недопущения изменения статус-кво. Ответственность в форме санкций правонарушителю, несомненно, будет присвоена, но политическая ситуация (баланс сил) после акта условно «неагрессивного» последовательно-пошагового использования немасштабных актов военной силы будет уже совершенно иной.

Теория политического реализма устанавливает: «В случае отсутствия как общности интересов, так и баланса сил международного права не существует». Очевидным образом, опираясь на данный постулат, можно заявить, что разрушение международного правового режима, предопределяемое невозможностью своевременного присвоения международной ответственности вследствие как скрытого применения военной силы, так и согласованного и синхронного с ним использования средств «политической» войны, приводит к изменению баланса сил.

---

⁵⁵ Mumford A. Ambiguity in hybrid warfare // Hybrid CoE Strategic Analysis. 2020. Vol. 24. P. 5 [Electronic resource]. URL: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/09/202009_Strategic-Analysis24-1.pdf (date of access: 26.05.2021).

5. Проблема определения содержания феномена «победы» для «гибридных» актов применения силы

Традиционно мощь государства в международной системе определялась доступными ему ресурсами: большой территорией, населением, экономической мощью в общем смысле, наличием развитой оборонной промышленности, накопленными материальными ресурсами и т. д. То есть это была «ресурсная» мощь. Отчасти данный подход к оценке потенциала государства продолжает существовать и в настоящее время. Но вызовы современной глобальной экономики заставили государства перераспределять большее количество ресурсов на поддержание экономического благосостояния населения и обеспечение конкурентоспособности экономики, что негативным образом сказалось на их частной обороноспособности.

Также глобализация стала менять сущность мощи государства — она сейчас определяется его вовлеченностью в глобальные экономические отношения. Средства разрешения конфликтов стали более сложными и многомерными, сетевыми. Появились новые акторы-«негосударства», обладающие подчас гораздо большим общим влиянием, чем государства. Причем они могут иметь интересы как совпадающие, так и отличные от интересов государств, с территориями которых они связаны. В свою очередь, состояние современной среды безопасности привело к увеличению количества сфер столкновения интересов акторов, сложности и динамичности конфликтов, непредсказуемости их исходов.

Объединение акторов-государств и «негосударств» для противодействия вызовам и угрозам происходит не на основе собственных ресурсов, территории и так далее, а на основе выявления совпадающих интересов. Информационная связанность и прозрачность позволяют выявлять такие интересы практически в режиме реального времени.

Таким образом, акторы, не имеющие достаточных (в традиционном для индустриального мира понимании) средств реализации власти во внешнем мире, могут усилить свою мощь за счет контроля информации о балансе сил, интересах акторов. Сетевые взаимосвязи используются как государствами, так и акторами-«негосударствами», в том числе экстре-

мистскими и террористическими группами, для усиления своей мощи. В этом случае баланс сил меняется с меньшей привязкой к геополитическим ограничениям и с бóльшим полаганием на идеи и возможность их глобального распространения. Именно так происходят изменения в повестке дня системы международной безопасности и проявляются новые «гибридные» способы, которыми государства или их объединения, равно как и иные акторы, реализуют свою мощь, но не только лишь «скрытым» применением ее военного компонента.

Если ранее при обсуждении вопросов военной доктрины шел дискурс об асимметричности использования военных средств, то в настоящее время именно «гибридность» является наиболее яркой характеристикой «асимметричности» современных форм противостояния акторов, т. е. умелым использованием всего спектра средств парадигмы MIDFIELD для достижения цели противостояния — «победы».

Сетевая и экономическая взаимосвязанность позволяет условно «слабым» акторам находить возможности для парирования мощи «сильных», например через нанесение ущерба репутации или провоцирование на невыгодные действия, избегая открытого военного или экономического противостояния. При этом «слабые» акторы лишены главного недостатка мощных держав — они менее инерционны в принятии решений по использованию форм и средств применения силы в любой избранной ими сфере противостояния.

Экономические последствия решения о необходимом применении силы, конечно же, учитываются, если под угрозу поставлены жизненные и важные интересы нации, такие как ограничение возможности обеспечивать необходимый темп экономического роста. Так, например, китайское правительство предполагает, что для недопущения чрезмерной безработицы и социальных волнений, т. е. для обеспечения внутренней стабильности, ему необходимо обеспечивать темпы роста экономики до 8% в год, что естественным образом будет невозможным на фоне масштабного конфликта⁵⁶.

Обращение к «гибридности» при движении к национальным целям в условиях высококонкурентной глобализации является неизбежным способом применения силы, так как только она позволяет обеспечивать экономический рост. Акторы должны быстро адаптироваться к изменениям свойств среды безопасности и таким образом, чтобы избегать втягивания

---

⁵⁶ Harp J. F. The Evolution of the Trinity: A 21st Century “Hybrid” War Theory. USAWC Strategy Research Project. 2011. P. 12.

в масштабные и продолжительные вооруженные конфликты, т. е. переводить конфликты в «политическую сферу». Вне зависимости от характера конфликта уничтожение сил противника уже не может быть желаемой стратегической целью, поскольку победа лишь в военном компоненте парадигмы MIDFIELD автоматически не гарантирует окончательную политическую победу в международной системе, построенной вокруг концепта приоритета прав человека. Если ранее в войнах, сопровождавших существование системы сильных государств — единственных международных акторов, уничтожение сил противника приводило к стратегической победе, то в глобализованном децентрализованном мире, где государства сосуществуют с акторами-«негосударствами», такое применение силы чаще всего приводит к стратегическим потерям. Расширение возможностей по ведению конфликта для заведомо малых акторов-«негосударств» приводит к тому, что боевые действия, которые пытаются вести государства с целью уничтожения сил противника, в современных условиях превращаются для них в войну «на истощение»: заведомо менее «боеспособные» силы стремятся затянуть конфликт так, чтобы цена человеческих потерь и других ресурсов разрушила национальное единство и волю к победе их более сильного противника. А значительные потери людских ресурсов и гражданского населения, которые становятся очевидными ввиду информационной прозрачности современной среды, приводят к непризнанию победы основными международными акторами. То есть из уравнения «гибридности» исключается очень важный компонент «L» — в части правовых обязательств государства, главным образом в сфере обеспечения прав человека: достижение победы «любой ценой» в парадигме ООН и современной культуре является неприемлемым. И такое «проседание» естественным образом учитывается и усиливается противниками в информационном компоненте «I». «Гибридность» по своей сути увеличивает влияние гражданского населения на политическую волю, определяющую исход конфликта.

Решению на применение силы всегда должно предшествовать четкое определение политических целей, связей между ними и доступными средствами. Это необходимо для понимания того, в чем должно заключаться содержание «победы»: «над кем», «где», «когда», как долго она обеспечит желаемое состояние международных отношений, будет ли признана другими участниками международного общения, обеспечит ли движение к национальным целям и т. д.

«Гибридность» по своей сути является формой организации деятельности государства по применению всех элементов национальной мощи

во внешней среде при движении к национальным целям. Она неизбежно затрагивает сложную проблему вмешательства во внутренние дела противостоящих акторов-государств. Вмешательство как таковое осуществляется для изменения свойств противостоящих государств, наций и/или акторов-«негосударств» и, тем самым, для создания такой политической среды, которая позволяет достичь вмешивающемуся государству своих стратегических целей. В этом случае «гибридное» применение силы государством для вмешательства во внутренние дела противника предполагает необходимое и достаточное, синхронное и совместное использование всех элементов собственной национальной мощи для «асимметричного» воздействия также на все элементы национальной мощи противника.

6. Содержание предмета института вмешательства во внутренние дела государств в эпоху противостояния ведущих держав в период холодной войны

Узкое толкование современного международного политико-правового режима, основанного на положениях Устава ООН, определяет, что ни одно государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела какого-либо другого государства.

Из обязанностей и практики государств, выведенных из их общего интереса и сформулированных в ряде документов ООН⁵⁷ *в ходе противостояния ведущих держав в период холодной войны*, можно выделить цели, формы и способы вмешательства в широком смысле.

Цели вмешательства:

- нарушение территориальной неприкосновенности, международно признанных границ, политического, социального или экономического порядка государств;
- свержение или изменение политической системы других государств или их правительств;
- порождение напряженности между двумя или более государствами;
- лишение народов их национальной самобытности и культурного наследия⁵⁸.

⁵⁷ См.: Проект Декларации прав и обязанностей государств. Документ ООН A/RES/375(IV) [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/375%28IV%29> (дата обращения: 15.06.2021); Декларация о принципах международного права...; Декларация об укреплении международной безопасности. Документ ООН A/RES/2734(XXV) [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2734%20%28XXV%29> (дата обращения: 15.06.2021); Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета. Документ ООН A/RES/2131(XX) [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2131%20%28XX%29> (дата обращения: 15.06.2021); Определение агрессии. Документ ООН A/RES/3314(XXIX) [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/3314%20%28XXIX%29> (дата обращения: 15.06.2021).

⁵⁸ См.: Документ ООН A/RES/36/103. П. II (а); Документ ООН A/RES/2131(XX). П. 2.

Формы вмешательства (совместно для «intervention» и «interference»):

- вооруженная интервенция, подрывная деятельность, военная оккупация или какие-либо иные формы интервенции и вмешательства, явные или скрытые, направленные против другого государства или группы государств, или любые акты военного, политического или экономического вмешательства во внутренние дела другого государства, включая акты репрессалий с использованием силы⁵⁹.

Способы вмешательства:

- предоставление территории государства для ее использования каким-либо образом, который нарушал бы суверенитет, политическую независимость, территориальную неприкосновенность и национальное единство или политическую, экономическую и социальную стабильность другого государства⁶⁰;

- осуществление любых насильственных действий, которые лишают народы, находящиеся под колониальным господством или иностранной оккупацией, их права на самоопределение, свободу и независимость⁶¹;

- осуществление любых действий или попыток в какой бы то ни было форме или под каким бы то ни было предлогом, направленных на дестабилизацию или подрыв стабильности другого государства или любого из его институтов⁶²;

- содействие, поощрение или поддержка, прямо или косвенно, мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах под каким бы то ни было предлогом или какие-либо действия, направленные на нарушение единства или подрыв, или свержение политического строя других государств⁶³;

- финансирование и вербовка наемников на своей территории, обучение или засылка таких наемников на территорию другого государства и предоставление средств, включая финансирование, для оснащения и транзита наемников⁶⁴;

- заключение соглашений с другими государствами, имеющих своей целью осуществление интервенции или вмешательства во внутренние и внешние дела третьих государств⁶⁵;

---

⁵⁹ См.: Документ ООН A/RES/36/103. П. II (с).

⁶⁰ Там же. П. II (b).

⁶¹ Там же. П. II (d).

⁶² Там же. П. II (e).

⁶³ Там же. П. II (f).

⁶⁴ Там же. П. II (g).

⁶⁵ Там же. П. II (h).

- осуществление каких-либо мер, рассматриваемых в контексте конфронтации между великими державами, которые привели бы к укреплению существующих военных блоков или к созданию или укреплению новых военных союзов, договоренностей о взаимных обязательствах, развертыванию интервенционистских сил или созданию военных баз и других связанных с ними военных сооружений⁶⁶;

- осуществление любых клеветнических кампаний, оскорбительной или враждебной пропаганды с целью осуществления интервенции или вмешательства во внутренние дела других государств⁶⁷;

- осуществление любых мер в своих международных отношениях в экономической, социальной, технической и торговой областях, которые в нарушение Устава ООН могут представлять собой применение силы или вмешательство во внутренние или внешние дела другого государства, препятствуя ему тем самым свободно определять свое политическое, экономическое и социальное развитие, путем:

- использования программ внешней экономической помощи;
- осуществления многосторонних или односторонних экономических репрессалий или блокад;
- использования транснациональных или многонациональных корпораций, находящихся под его юрисдикцией или контролем, в качестве средств политического давления или принуждения против другого государства⁶⁸;

- использование или искажение вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами или группами государств⁶⁹;

- использование практики терроризма в качестве государственной политики против других государств или против народов, находящихся под колониальным господством, иностранной оккупацией или под гнетом расистских режимов, в том числе недопущение предоставления какой-либо помощи, использование или проявление терпимости в отношении террористических групп, саботажников или лиц, ведущих подрывную деятельность против третьих государств⁷⁰;

⁶⁶ Там же. П. II (i).

⁶⁷ Там же. П. II (j).

⁶⁸ Там же. П. II (k).

⁶⁹ Там же. П. II (l).

⁷⁰ См.: Там же. П. II (m); Документ ООН A/RES/2131(XX). П. 2.

- организация, обучение, финансирование или вооружение политических и этнических групп на своих территориях или территориях других государств с целью осуществления подрывной деятельности, создания беспорядков или волнений в других странах⁷¹;

- осуществление любой экономической, политической или военной деятельности на территории другого государства без его согласия⁷².

Классификация целей, форм и способов вмешательства, несмотря на то что она была осуществлена на базе толкования норм Устава ООН, характерного для «индустриальной» эпохи, тем не менее сохраняет актуальность для квалификации «гибридного» применения силы в эпоху «сетевой», т. е. глобализованной, организации мирового сообщества.

Парадигма ООН, ориентированная на обеспечение прав человека, получила признание не немедленно после принятия Устава ООН. Формирование практики присвоения международной ответственности и развитие обеспечивающих ее международных институтов происходили постепенно и в конечном итоге привели к такому развитию международной среды безопасности, которое сделало неизбежным обращение к «гибридности» для продвижения национальных интересов в процессе политической конкуренции за власть социальных групп или отдельных лиц с несовпадающими интересами. Использование военных средств разрешения противоречий (*intervention*), как правило, приводит к присвоению международной ответственности. В то же время большее полагание на различные формы сочетания «несиловых» — «политических» средств противоборства (*interference*) при вмешательстве во внутренние дела государств не вызывает немедленного и масштабного отторжения.

---

⁷¹ См.: Документ ООН A/RES/36/103. П. II (n).

⁷² Там же. П. II (o).

7. Современное содержание предмета института вмешательства во внутренние дела государств

Смена ограниченного толкования парадигмы ООН, основанной на учете интересов акторов-государств, на парадигму современную, основанную на признании приоритета прав личности (именно это предполагали создатели Устава ООН, включив в его преамбулу слова «утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности»⁷³), очевидным образом привела к изменению содержания предмета института вмешательства во внутренние дела государств.

Конечно же, суверенитет по-прежнему является базовой правовой категорией, которая находится в основании организации современного международного порядка и обеспечивается нормами *jus cogens*, такими как запрет на применение силы и вмешательство, содержащимися в п. 4 и 7 ст. 2 Устава ООН, либо нормой обычного международного права о невмешательстве⁷⁴, с которой государства согласились как с составной частью Вестфальского концепта суверенного равенства⁷⁵.

Противники вмешательства во внутренние дела государства всегда опираются для своей аргументации на концепцию суверенитета. «В самом примитивном понимании „суверенитет“ означает исключительную власть, осуществляемую государством в пределах своей территории и в отношении

---

⁷³ См.: Преамбула Устава ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.07.2021).

⁷⁴ Принцип, касающийся обязанности, в соответствии с Уставом ООН, не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства. См.: Декларация о принципах международного права...; Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Принята резолюцией 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 03.12.2019).

⁷⁵ *Коростелев С. В.* Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху // *Управленческое консультирование*. 2020. № 6(138). С. 41–49.

своего населения и которая в некоторых случаях может осуществляться экстерриториально. В более широком смысле „суверенитет“ какого-либо государства следует понимать как меру согласия других участников международного общения с содержанием и способами реализации им своих властных полномочий»⁷⁶. То есть если неэффективно функционирующий государственный механизм приводит к тому, что масштабные последствия проводимой внутренней политики в сфере соблюдения прав человека начинают оказывать давление на внешних акторов, то последние наделяются правом принимать ответные меры, в том числе в пределах национальной территории неэффективного государства — объекта вмешательства.

В ходе дискуссий в СБ ООН в отношении ряда «внутренних» конфликтов при обосновании необходимости и соразмерности применения внешней силы для защиты гражданских лиц государствами неоднократно проводилось уточнение содержания концептуального подхода к «суверенитету как обязанности», сущность которого заключается в том, что суверенитет предполагает не только строгое соблюдение обязательств перед своим народом, но и наделение определенными международными привилегиями: государство, выполняющее основные обязательства по защите и обеспечивающее основные права человека, защищено от вторжения из-за рубежа.

Такой процесс преобразования классической парадигмы суверенитета был долгим и до настоящего времени не завершен. Так, например, лишь через 60 лет после принятия Устава ООН в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г. (далее — Итоговый документ)⁷⁷, в котором поднимался вопрос соотношения международно-правовых принципов суверенитета и невмешательства, была сформулирована концепция «ответственность по защите», которая коренным образом, *и уже формально*, меняет содержание конструкта национального суверенитета⁷⁸. В решении Саммита была признана *обязанность* государств защищать свое население

---

⁷⁶ Коростелев С. В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5(113). С. 19–29.

⁷⁷ Документ ООН А/60/1. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 14.02.2022).

⁷⁸ Подробнее о концепциях «ответственность по защите» и «гуманитарная необходимость» см.: Коростелев С. В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях // Управленческое консультирование. 2015. № 8(80). С. 26–31; Коростелев С. В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы // Управленческое консультирование. 2016. № 3(87). С. 24–35.

от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности, в том числе через предотвращение таких преступлений и подстрекательств к ним⁷⁹.

В отношении возможности осуществления коллективных мер Итоговый документ определил обязанность государств действовать через ООН с использованием дипломатических, гуманитарных и других мирных средств в соответствии с главами VI, VII и VIII Устава ООН, «с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население...»⁸⁰.

По смыслу п. 139 Итогового документа принятие коллективных принудительных мер (включая осуществление санкций или силовых военных операций) предполагается, когда какое-либо государство: 1) отказывается принять международную помощь для целей предотвращения и защиты; 2) совершает преступления и правонарушения, от которых оно обязано защищать население; 3) не реагирует на международные меры, имеющие менее принудительный характер. Такие коллективные меры могут быть санкционированы СБ ООН в соответствии со ст. 41 или 42 Устава ООН, либо Генеральной Ассамблеей ООН в соответствии с процедурой, предусмотренной в резолюции 377(V) «Единство в пользу мира» (1950 г.), либо региональными или субрегиональными механизмами в соответствии со ст. 53 Устава ООН с предварительного разрешения СБ ООН⁸¹.

Решение задачи защиты находится в политической области, поскольку государствам и их союзам приходится делать «выбор между двумя экстремальными линиями поведения: можно либо оставаться безучастными в условиях гибели все большего числа гражданских лиц, либо развернуть в принудительном порядке военные силы для обеспечения защиты уязвимого и находящегося под угрозой населения»⁸², т. е. осуществить вмешательство.

Таким образом, масштабные нарушения основных прав человека, безусловно, являются серьезным нарушением международного права,

⁷⁹ См.: Итоговый документ, п. 138.

⁸⁰ См.: Итоговый документ, п. 139.

⁸¹ См.: Документ ООН A/63/677. Последующие меры по итогам Саммита тысячелетия. Выполнение обязанности защищать. Доклад Генерального секретаря (2009). П. 56.

⁸² Там же. П. 7.

а следовательно, наилучшим формальным правовым аргументом (т. е. используемой постфактум нормативной оценкой поведения государств, заведомо нарушающих «императивный» запрет на применение силы⁸³) в поддержку морального оправдания для «нарушения суверенитета» государства — объекта вмешательства становится то, что содержательные нормы международного права уже сами по себе служат основой политико-правового обоснования ответных защитных мер.

Однако традиционная парадигма суверенитета продолжает действовать и в современном контексте обязанности по защите прав человека. Например, «выдавливание» значительного количества лиц — граждан какого-либо государства на территорию другого государства может оцениваться последним как посягательство на свой суверенитет: во-первых, поскольку «исход» на его территорию значительного числа беженцев, необходимость их защиты и обеспечения ресурсами создают для него существенные внутренние проблемы; во-вторых, если последствия таких действий выводят международную систему из равновесия, это также может противоречить его национальным интересам.

Таким образом, можно определить, что в настоящее время запреты на применение силы и вмешательство во внутренние дела государств уже не обладают императивным характером *jus cogens* сами по себе вне единого контекста международной жизни, в основе которого лежит общий интерес не только безопасного сосуществования, но и обеспечения верховенства права, особенно в сфере обеспечения прав человека. То есть содержание принципа суверенитета определяется практическими императивами государств и зависит от затрагиваемой сферы межгосударственных и трансграничных взаимодействий.

Такое право, презюмируемое как посылка из всеобщего признаваемого запрета на масштабные нарушения основных прав человека, получило название «ответственность по защите» и воспринимается в международном сообществе если не как «право», то по меньшей мере как не противоречащее праву политическое обязательство. Вопрос состоит, во-первых, в том, ограничивается ли предоставление защиты только теми средствами, которые доступны СБ ООН и отдельным государствам; во-вторых, обладают ли этим правом и иные акторы международных отношений с достаточной весомой субъектностью.

---

⁸³ Коростелев С. В. Об эпифеноменальном характере международного права // Управленческое консультирование. 2013. № 12(60). С. 29–34.

8. Вмешательство в рамках Главы VIII Устава ООН: Региональные соглашения

Запрет на вмешательство во внутренние дела государств даже для Организации Объединенных Наций серьезно ограничивается ст. 2, п. 7 Устава ООН. Однако окончание холодной войны дало начало формулированию нового содержания обычной нормы права на гуманитарное вмешательство, которое основывается на моральных обязательствах и презюмируется как вывод из всеобщего признаваемого запрета на масштабные нарушения основных прав человека. Эта норма начала оформляться после окончания Второй мировой войны в ряде документов, определяющих современный правовой режим защиты прав человека. Она разрешает некоторые формы вмешательства, в том числе для ООН, и, являясь ядром концепции «„ответственность по защите“», в настоящее время воспринимается в международном сообществе если еще не как „право“, то как минимум как не противоречащее праву универсальное политическое обязательство»⁸⁴.

Каковы могут быть формы действий по «вмешательству» со стороны ООН или государств, объединенных в рамках региональных соглашений на основании Главы VIII Устава ООН? В реальности они уже достаточно давно известны, поскольку определены Уставом ООН и программными документами «Повестка дня для мира»⁸⁵ и «Дополнение к Повестке дня для мира»⁸⁶. А практика реализации этих форм

---

⁸⁴ См.: *Коростелев С. В.* «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях.

⁸⁵ [Повестка дня для мира] An Agenda for Peace Preventive diplomacy, peacemaking and peacekeeping. UN Document A/47/277–S/24111 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/A_47_277.pdf (date of access: 10.12.2021).

⁸⁶ [Дополнение к Повестке дня для мира] Supplement to an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary-General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations. UN Document A/50/60, S/1995/1 [Electronic resource]. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/UNRO%20S1995%201.pdf> (date of access: 01.12.2021).

действий может быть найдена в соответствующих докладах Генерального секретаря ООН⁸⁷.

У ООН нет собственных ресурсов для решения общих задач, и она должна полагаться на волю и ресурсы государств — членов ООН, в том числе образованных ими институтов, которые, исходя из собственных представлений о необходимых мерах по защите национальных интересов, принимают решение об участии в ее действиях и определяют набор и масштаб использования доступных им инструментов, которые они могут использовать самостоятельно либо предоставлять в распоряжение международного органа.

Доступные международному сообществу виды институционального вмешательства в рамках ООН — это превентивная дипломатия⁸⁸, миротворчество (peacemaking)⁸⁹, миростроительство (peacebuilding)⁹⁰, различные

---

⁸⁷ Миростроительство в рамках всей системы. Доклады Генерального секретаря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/peacebuilding/ru/policy-issues-and-partnerships/policy/sg-reports> (дата обращения: 12.12.2021).

⁸⁸ «Действия, направленные на предупреждение возникновения споров между сторонами, недопущение перерастания существующих споров в конфликты и ограничение масштабов конфликтов после их возникновения». К мерам превентивной дипломатии были отнесены: меры по укреплению доверия, установление фактов, раннее предупреждение, превентивное развертывание, создание демилитаризованных зон. См.: Повестка дня для мира. § 20, 23–33.

⁸⁹ «Действия, направленные на то, чтобы склонить враждующие стороны к соглашению, главным образом с помощью таких мирных средств, которые предусмотрены в Главе VI Устава Организации Объединенных Наций». См.: Повестка дня для мира. § 20, 36–41. Также предполагается обязательное согласие конфликтующих сторон на вмешательство со стороны ООН и предусматривается возможность осуществления специальных экономических мер на основе Главы VII Устава ООН. Также Глава IV Устава ООН предполагает наделение некоторыми полномочиями Генеральной Ассамблеи ООН при необходимости мирного разрешения споров по решению СБ ООН.

⁹⁰ «Действия по выявлению и поддержке структур, которые будут склонны содействовать укреплению и упрочению мира в целях предотвращения рецидива конфликта». Обуславливается согласием сторон. См.: Повестка дня для мира. § 21. Там же к мерам миростроительства отнесены: соглашения, прекращающие гражданский конфликт; разоружение; репатриация беженцев; консультации и обучение персонала по обеспечению безопасности; надзор за проведением выборов; содействие усилиям по защите прав человека; реформирование или укрепление правительственных учреждений; содействие формальным и неформальным процессам политического участия; экономическое и социальное развитие; обмены в области образования и изменения учебных программ; разминирование. См.: Там же. § 55–59.

формы поддержания и восстановления международного мира и безопасности (peacekeeping)⁹¹ и принуждения к миру (peace enforcement)⁹² и так далее, которые в настоящее время объединены в единый класс — «операции мира» (peace operations)⁹³.

Термин «поддержание мира» прочно вошел в международный правовой дискурс в 1965 г., когда в рамках ООН был создан Специальный комитет по операциям по поддержанию мира⁹⁴. Но институциональные основы такой деятельности были оформлены ранее в ряде резолюций Первой чрезвычайной специальной сессии ГА ООН при разрешении кризиса вокруг Суэцкого канала⁹⁵. Как правило, на начальном этапе своего развития операции по поддержанию мира включали действия по наблюдению и соблюдению режима прекращения огня, предоставлению помощи в выводе войск и созданию буферных зон между противоборствующими силами. А юридический мандат предоставляемых государствами сил заключался исключительно в поддержании или восстановлении международного мира и безопасности. Вооруженные формирования решали исключительно задачи по физическому обеспечению выполнения политического решения, уже достигнутого конфликтующими сторонами при посреднической роли ООН. Как отмечал М. Нордквист, «операции проводились в такой политической обстановке, когда основная ответственность за успех или неудачу лежала на гражданском персонале»⁹⁶, который

⁹¹ «Обеспечение присутствия Организации Объединенных Наций в данном конкретном районе — что до сих пор *делалось с согласия всех заинтересованных сторон*, — которое, как правило, связано с разворачиванием военного и/или полицейского персонала. Поддержание мира — это средство, которое расширяет возможности как в плане предотвращения конфликта, так и в плане миротворчества». См.: Там же.

⁹² См.: Дополнение к Повестке дня для мира. § 77–80.

⁹³ Миростроительство и сохранение мира. Доклад Генерального секретаря, п. 15. Документ ООН A/72/707–S/2018/43 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/72/707> (дата обращения: 13.12.2021).

⁹⁴ Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. A/RES/2006 (XIX) [Electronic resource]. URL: <http://www.worldlii.org/int/other/UNGA/1965/12.pdf> (date of access: 11.01.2022).

⁹⁵ См., например: Резолюции, принятые ГА ООН во время Первой чрезвычайной сессии с 1 по 10 ноября 1956 г. Документ ООН A/3354 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/3354> (дата обращения: 12.01.2022).

⁹⁶ Nordquist M. H. What Color Helmet? // Newport Papers. 1997. Vol. 11 [Electronic resource]. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/usnwc-newport-papers/11> (date of access: 27.05.2021).

был подотчетен Генеральному секретарю ООН. Позднее, при решении задач по «принуждению к миру» на территории бывшей Югославии, часть ответственности уже возлагалась на военные формирования, которые, в свою очередь, несли ответственность перед Советом Безопасности ООН, поскольку все вопросы оценки легитимности обращения к силе находятся в его исключительной компетенции. Но, несмотря на изменение подходов к ответственности исполнителей политических решений о формах поддержания и восстановления международного мира, вооруженные формирования по-прежнему решают обеспечивающие задачи (иногда определяемые как «peace support operations»).

Таким образом, в «операциях мира» вооруженные формирования государств могут быть лишь участниками согласованной в рамках международных институтов деятельности по «поддержанию и восстановлению международного мира» (peacekeeping) либо «принуждению к миру» (peace enforcement), которая осуществляется на основе мандата международной организации либо соглашения конфликтующих сторон.

Но под давлением медиа, для которых определение «миротворческие» является удобным и даже «красивым», вооруженные формирования — участники обеспечения таких действий обрели в публичном дискурсе название «миротворческие силы».

Могут ли быть «миротворцами» по своим качествам вооруженные формирования при решении задач миростроительства, к которым относят политические постконфликтные «действия по выявлению и поддержке структур, которые будут склонны содействовать укреплению и упрочению мира в целях предотвращения рецидива конфликта» при наличии согласия сторон: заключение соглашений, прекращающих гражданский конфликт; разоружение; репатриация беженцев; консультации и обучение персонала по обеспечению безопасности; надзор за проведением выборов; содействие усилиям по защите прав человека; реформирование или укрепление правительственных учреждений; содействие формальным и неформальным процессам политического участия; экономическое и социальное развитие; обмены в области образования и изменения учебных программ; разминирование?⁹⁷

Также к «миротворчеству» в доктрине ООН относятся действия, направленные на то, чтобы склонить враждующие стороны к соглашению,

---

⁹⁷ См.: Повестка дня для мира. § 21, 55–59. Необходимо отметить, что, за редкими исключениями, действия по разоружению и разминированию осуществляются гражданским персоналом миссий международных организаций.

главным образом с помощью мирных средств, которые предусмотрены в главах IV и VI Устава ООН: переговоры и посредничество, обследование, примирения, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным организациям или иные мирные средства, улучшение ситуации путем оказания помощи, а также осуществление специальных экономических мер на основе Главы VII Устава ООН⁹⁸. При этом предусматривается полагание на ведущую и посредническую роль Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН и согласие сторон на вмешательство. При развертывании миротворческих операций их цель с самого начала должна состоять в том, чтобы в максимальной степени создавать пространство и возможности для продвижения усилий в области миростроительства⁹⁹. То есть эта форма разрешения конфликтов не предполагает обращения к принуждению с помощью военной силы.

В эпоху становления доктрины «операций мира», основанной на согласовании воли постоянных членов СБ ООН в отношении необходимости прекращения вооруженного насилия, осуществлялось так называемое «традиционное принуждение к миру»: Совет Безопасности предпринимает военные меры в ответ на прямую агрессию, неизбежную или действительную, с помощью сил, которые находятся в его распоряжении на постоянной основе в соответствии со ст. 43 Устава ООН, и может осуществлять международные принудительные действия с помощью национальных контингентов вооруженных сил, предоставленных в его распоряжение ст. 42–45 Устава ООН¹⁰⁰.

«Согласованное» поддержание мира (peacekeeping), основанное на положениях глав IV и VI Устава ООН, предполагало обеспечение присутствия ООН или других организаций в определенном районе с согласия всех заинтересованных сторон, как правило связанного с развертыванием военного и/или полицейского персонала, а нередко и гражданского персонала ООН¹⁰¹. То есть, по сути, поддержание мира — это средство, которое расширяет возможности ООН как в плане предотвращения конфликтов, так и в плане миротворчества. В этом случае ГА ООН уполномочена

⁹⁸ См.: Повестка дня для мира. § 20, 35–41.

⁹⁹ Идентичные письма от 29 июня 2015 года Председателя Консультативной группы экспертов по обзору миростроительной архитектуры на имя Председателя Генеральной Ассамблеи и Председателя Совета Безопасности. Документ ООН A/69/968–S/2015/490, п. 123 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/69/968> (дата обращения: 14.12.2021).

¹⁰⁰ См.: Повестка дня для мира. § 42–44.

¹⁰¹ Там же. § 20.

рекомендовать меры, включая меры военного характера, для мирного улаживания ситуации (ст. 14 Устава ООН), а СБ ООН может по своей инициативе рекомендовать использование военных сил как метод урегулирования (ст. 36, п. 1) или условие урегулирования (ст. 37, п. 2) и также может по запросу рекомендовать использование военных сил как метод или как условие урегулирования (ст. 38). По мере наработки практики СБ ООН стал уполномочивать государства-члены применять вооруженные силы для осуществления нейтрального и беспристрастного военного присутствия в районах напряженности или конфликта, в том числе и при отсутствии согласия всех затрагиваемых сторон, с целью выполнения ограниченного мандата для остановки агрессии или прекращения боевых действий¹⁰² (такие действия определялись как «поддержание мира нового типа», по-прежнему обозначаемое как *peacekeeping*).

Но поскольку и такие действия, проводимые без получения согласия сторон по их разьединению, созданию безопасных зон для гражданского населения и так далее, не приводили к состоянию мира, то СБ ООН начал применять силу в операциях «принуждения к миру нового типа» (определяемого как *peace enforcement*), также основанных на положениях главы VII Устава ООН (ст. 42): Совет Безопасности уполномочивает государства предпринимать меры с использованием вооруженных сил в ответ на прямую агрессию, неизбежную или действительную, от его имени.

То есть неудачный опыт полагания на обязанность достижения согласия сторон привел к тому, что подходы к разрешению конфликтов, установленные в 1992 г., уже через три года были пересмотрены в программном документе «Дополнение к Повестке дня для мира». Самыми важными инструментами в нем были определены: превентивная дипломатия и миротворчество; поддержание мира; миростроительство; разоружение; санкции и принуждение к миру¹⁰³.

Таким образом, действия по поддержанию мира или принуждению к нему (*peacekeeping* и *peace enforcement*) в определениях ООН могут быть «согласованными»¹⁰⁴ — через обеспечение присутствия ООН (развертывание военного и/или полицейского персонала и гражданского

---

¹⁰² См.: Дополнение к Повестке дня для мира. § 8–22, 34–36, 44.

¹⁰³ Там же. § 23.

¹⁰⁴ См.: Повестка дня для мира. §20: обеспечение присутствия ООН или других организаций в данном конкретном районе с согласия всех заинтересованных сторон, которое, как правило, связано с развертыванием военного и/или полицейского персонала, а нередко и гражданского персонала ООН.

персонала ООН) или других организаций в определенном районе с согласия всех заинтересованных сторон; и «принудительными» — когда СБ ООН на основании Главы VII Устава ООН уполномочивает государства-члены применять вооруженные силы для осуществления нейтрального и беспристрастного военного присутствия в районах напряженности или конфликта, в том числе и при отсутствии согласия всех затрагиваемых сторон, с целью выполнения ограниченного мандата для остановки агрессии или прекращения боевых действий¹⁰⁵.

В любом случае действия по поддержанию мира (peacekeeping и peace enforcement), осуществляемые как при согласии конфликтующих сторон, так и при отсутствии такового, — это способы применения формирований вооруженных сил обеспечивающего характера, которые расширяют возможности международных институтов по проведению «операций мира» для предотвращения конфликтов и поддержки иных форм их деятельности.

В начальный период становления практики поддержания мира с помощью коллективных вооруженных формирований на территории бывшего СССР такие формирования определялись в СНГ как «коллективные миротворческие силы (далее — КМС)»¹⁰⁶. Причем в резолюциях СБ ООН такие силы на русском языке определялись как КМС, а на английском языке — как «силы по поддержанию мира (далее — СПМ)»¹⁰⁷.

Совет Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности в 2021 г. принял модельный закон «О миротворческой деятельности и миротворческих силах», целью которого является содействие «формированию национального законодательства, регулирующего участие государств в миротворческой деятельности и функционирование миротворческих сил» и который «направлен на сближение правового регулирования общественных отношений, связанных с миротвор-

¹⁰⁵ См.: Повестка дня для мира. § 44. Высказывалось пожелание о создании «подразделений по принуждению к миру» (peace enforcement units); Дополнение к повестке дня для мира. § 8–22, 33–46, 77–80.

¹⁰⁶ См.: Документ ООН S/26610 (Соглашение о Коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению, Москва, 25 сентября 1993 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/573/38/IMG/N9357338.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁰⁷ Резолюция СБ ООН S/RES/968 (1994) [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/968\(1994\)](https://undocs.org/ru/S/RES/968(1994)); [https://undocs.org/en/S/RES/968\(1994\)](https://undocs.org/en/S/RES/968(1994)) (дата обращения: 21.12.2021).

ческой деятельностью и функционированием миротворческих сил»¹⁰⁸. Однако, как показано выше, формирования вооруженных сил в любом случае не могут определяться как «миротворческие», как, например, это сделано в вышеуказанном модельном законе ПА ОДКБ¹⁰⁹. Любые вооруженные формирования могут быть лишь «силами по поддержанию мира», «силами по принуждению к миру (также — СПМ)» и так далее, но не «миротворческими», поскольку миротворчество само по себе — это сложная деятельность международных политических институтов.

Подобным образом Объединенный штаб ОДКБ определил: «Миротворческие силы ОДКБ — совокупность миротворческих контингентов, предназначенных для участия в миротворческих операциях ОДКБ. Для комплектования миротворческих сил государства — члены Организации в соответствии со своим национальным законодательством выделяют на постоянной основе миротворческие контингенты»¹¹⁰. Но при обращении к законодательству можно обнаружить, что российский Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»¹¹¹ говорит не о «миротворческих» силах.

---

¹⁰⁸ Приложение к постановлению Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 29 ноября 2021 г. № 14-7.2 [Электронный ресурс]. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-o-mirotvorcheskoy-deyatelnosti-i> (дата обращения: 21.12.2021).

¹⁰⁹ Статья 1. Основные понятия. В настоящем Законе используются следующие основные понятия: *миротворческая деятельность* — совокупность мер, включающих мирные средства и действия, направленные на разрешение споров (в соответствии с Уставом ООН), а также коллективные действия, предпринимаемые государствами с использованием военного, полицейского (милицейского) и гражданского персонала, направленные на предотвращение, сдерживание и прекращение военных действий между государствами или в пределах государства посредством вмешательства третьей стороны из числа государств и способствующие поддержанию мира и безопасности; *миротворческие силы* — совокупность миротворческих контингентов, предназначенных для участия в миротворческих операциях...

¹¹⁰ Миротворческие силы ОДКБ // Объединенный штаб ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/msodkb.php> (дата обращения: 15.12.2021).

¹¹¹ Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» № 93-ФЗ от 23 июня

Более того, даже если официальный документ, например «Положение о Коллективных миротворческих силах»¹¹², утвержденное решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 6 октября 2007 г. и представленное в ООН, содержит в варианте на русском языке определение вооруженных формирований как «миротворческие», то в англоязычной версии документа, также исходящей от Российской Федерации, такие формирования определяются как «силы по поддержанию мира» (peacekeeping). И, что представляется интересным, решение Совета глав государств СНГ «Об утверждении Положения о Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств»¹¹³ от 19 января 1996 г. использует терминологию, уже не вступающую в противоречие с доктриной ООН и более выверенную по сравнению с использованной в «Соглашении о Коллективных миротворческих силах» 1993 г. Также более методологически грамотно модельный закон «Об участии государства — участника СНГ в миротворческих операциях», принятый Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ 17 апреля 2004 г., определяет формирования вооруженных сил как «участников миротворческих операций»¹¹⁴, а не как «миротворческие».

То есть практически в едином для СНГ и ОДКБ геополитическом пространстве используются два различных набора терминов для обозначения форм применения вооруженных формирований в интересах как региональных организаций, так и ООН в общем случае.

Очевидным образом более краткое и яркое с точки зрения пропаганды определение сил как «миротворческие» (МС), чем как «силы по

1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9012344> (дата обращения: 21.12.2021).

¹¹² См.: Договор о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900489?marker=64U0IK> (дата обращения: 21.12.2021); Letter dated 26 February 2009 from the Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations addressed to the Secretary-General [Electronic resource] URL: <https://digitallibrary.un.org/record/653563?ln=ar> (date of access: 21.12.2021).

¹¹³ Решение об утверждении Положения о Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств (Москва, 19.01.1996) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901124> (дата обращения: 17.12.2021).

¹¹⁴ См.: Ст. 7 модельного закона МПА СНГ «Об участии государства — участника СНГ в миротворческих операциях», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ № 23-6 от 17 апреля 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 24.12.2021).

поддержанию мира (принуждению к миру)» (СПМ), приводит к искажению понимания сути процесса миротворчества — многовекторного международного политического процесса. Например, «миротворческий» контингент, размещенный в настоящее время в зоне Карабахского конфликта, по сути таковым не является, поскольку конфликтуют два суверенных государства, в которых действуют все необходимые национальные институты и нет необходимости осуществлять «миростроительство», т. е. фактически создавать государства: силы контингента осуществляют лишь традиционные задачи «поддержания мира», как это определено в программном документе ООН «Повестка дня для мира» 1992 г. Равным образом использование термина «миротворческие» в отношении сил ОДКБ, развернутых в январе 2022 г. в Республике Казахстан, предполагает ограниченную правосубъектность данного государства, когда органы государственной власти не могут осуществлять в полной мере свои полномочия и гарантировать обеспечение безопасности личности, общества и защиту конституционного строя, что также очевидно является неверным в отношении современного Казахстана. Данные силы «поддерживают мир» и ни в коем случае не могут, не способны и не должны заниматься строительством институтов государства.

Таким образом, такие формы вмешательства международных организаций во внутренние дела «государств», как «миротворчество», «миростроительство», «принуждение к миру», осуществляются в рамках «операций мира» в отношении «несостоятельных» государств, в которых разрушены государственные институты и которые, следовательно, не обладают международной правосубъектностью.

9. Определение современного объекта применения силы при осуществлении вмешательства во внутренние дела государства (кибернетические конфликты)

Как показано выше, любое нарушение национальных интересов получает нормативную оценку относительно «суверенитета, политической независимости и территориальной целостности» с тем, чтобы государство имело возможность использовать определенные в праве механизмы (о которых должно быть предварительно оповещено мировое сообщество) для реагирования на акт агрессии. Возникает вопрос: каковы должны быть масштабы такого вмешательства в каждой из сфер кибернетического конфликта — физической, собственно информационной, когнитивной? Какие пороги (качественные/количественные) устанавливает государство для заявления политико-правового обоснования своего обращения к силе как справедливого для отражения акта агрессии?

Очевидно, что в случае наступления определенных государством в законе пороговых событий начинают действовать нормы международного гуманитарного права (далее — МГП) и возникает состояние вооруженного конфликта либо войны. Поскольку ни международные, ни национальные акты не определяют перечень способов исполнения нападения на территорию государства, то возможно предположить, что применение для нападения информационных технологий также может породить для России состояние вооруженного конфликта. Но в каком случае? Здесь следует исходить из определения того, причиняют ли информационные действия ущерб, сопоставимый с тем, который причиняется привычными и понятными нам средствами ведения вооруженной борьбы и который подробно исследован в процессе развития норм МГП.

Любая деятельность государства в информационном пространстве регламентируется теми же нормами международного права, что и все иные виды деятельности¹¹⁵. Например, применение силы против территории суверена очевидным образом является нарушением международного права,

---

¹¹⁵ Статья 2, п. 3 Устава ООН накладывает на государства обязанность разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость.

определяется в парадигме ООН как применение силы, запрещенное ст. 2, п. 4 Устава ООН. То есть всякая деятельность государственных органов, причиняющая вред другому государству в пределах территории последнего, является неправомерным применением силы. Наиболее очевидным примером такого применения силы является нанесение ударов посредством систем оружия через границу государства — данное положение обычного международного права не подлежит оспариванию. Однако применение современных средств информационного воздействия на критическую инфраструктуру государства может иметь эффект, сравнимый и даже превосходящий по своим последствиям результаты огневого поражения.

Случайный ущерб, причиненный государству в пределах его суверенной территории в мирное время, влечет международную ответственность, но не является таким применением силы по смыслу ст. 2, п. 4 Устава ООН, которое порождает право потерпевших государств обращаться к самообороне в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Но «умышленность» причинения ущерба субъективно оценивается государствами в конкретном случае с учетом всех доступных им для оценки обстоятельств. Таким образом, только намеренная деятельность в информационном пространстве, причиняющая ущерб государству, его гражданам, объектам в пределах национальной территории либо вне ее, является незаконным применением силы. Сама по себе такая деятельность не обязательно порождает право государств на самооборону, так как она не всегда может / должна быть оценена государством по масштабу, продолжительности и интенсивности действий как «вооруженное нападение» вне зависимости от использованных средств и методов ведения боевых действий. Может ли, например, вызванный посредством информационного вмешательства в когнитивном измерении блэкаут послужить причиной для реторсий и тем более репрессалий со стороны потерпевшего государства? Очевидно, что нет. Однако десятки подобных инцидентов уже могут быть расценены как состоявшееся «вооруженное нападение», так как в этом случае свидетельство намеренности действий в информационном пространстве становится очевидным.

Сбор информации с использованием технических средств, несмотря на намеренный характер, также не противоречит существующему международному праву. Однако в определенных условиях такая деятельность может получить оценку как враждебные намерения другого государства и в итоге как «угроза силой» по смыслу ст. 39 Устава ООН, особенно если она намеренно ведет к причинению ущерба в пределах территории суверена.

Допустимость разведывательной деятельности является частью обычного неотъемлемого права государств на самооборону. Гагская (IV) Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.¹¹⁶ (Положение, ст. 24, 29–31) явным образом признает право государств на разведывательную деятельность в ходе вооруженного конфликта. Аналогичным образом ст. 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.¹¹⁷ также явно признает право государств на разведывательную деятельность в мирное время¹¹⁸. Практика государств также демонстрирует, что они относятся к сбору разведывательной информации как к неотъемлемой сфере деятельности во внешней политике и международных отношениях. В то же время шпионаж против себя расценивается внутренним законодательством большинства государств как уголовное преступление, причем как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта.

Собственно, все МГП построено на принципе сравнения последствий применения различных средств и способов ведения войны¹¹⁹. Для объявления какого-либо средства ведения военных действий запрещенным последствия его применения сравнивались с последствиями применения известных видов вооружения и затем делался вывод о «гуманности/негуманности» данного средства или способа его применения. Таким образом, если последствия информационного воздействия могут быть сопоставлены с материальным ущербом, причиненным государству и его гражданам в ходе какого-либо вооруженного конфликта каким-либо средством ведения военных действий либо способом его применения, то можно сделать вывод о существовании состояния информационной войны (информационного вооруженного конфликта). Приемлемый ущерб, до превышения которого государство не обращается к ответным действиям, определяется этим го-

---

¹¹⁶ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 17.01.2020).

¹¹⁷ Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18 апреля 1961 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 17.01.2020).

¹¹⁸ Статья 3 Конвенции: «Функции дипломатического представительства состоят, в частности... d) в выяснении всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщении о них правительству аккредитуемого государства...»

¹¹⁹ *Коростелев С. В.* О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы // *Управленческое консультирование*. 2015. № 6(78). С. 50–57.

сударством самостоятельно в соответствии с его политической ситуацией, военными, экономическими, географическими и иными возможностями.

Кроме того, необходимо учитывать такой аспект акта применения силы, как «соразмерность». В случае превышения порога, который государство — объект информационного воздействия может посчитать для себя неприемлемым вмешательством, оно может осуществить ответные меры. Но в таком случае оно не обязано отвечать симметрично именно в информационной сфере. Как международное право, так и неправовой принцип взаимности не накладывают таких ограничений. Выбор сферы реализации ответных мер всегда остается на усмотрении государства, и всегда существует большая вероятность того, что при разрушении стабильности в информационном пространстве конфликт будет перенесен в другую сферу, например специальных экономических и принудительных мер¹²⁰.

Следовательно, ответные меры, по оценке не только государства, против которого они применяются, но и третьих сторон, могут выйти за рамки объема предполагаемой справедливой международной ответственности и, причиняя ущерб сверх того, что считается разумным ответом, привести к раскручиванию спирали конфликта¹²¹. Эта опасность усугубляется риском ненамеренного наказания случайного актора; и, в свою очередь, неправильная атрибуция может привести к нежелательной эскалации напряженности в отношениях с третьими сторонами, в то время как истинный агрессор остается безнаказанным.

Можно сделать ряд выводов в отношении обращения к институту международного права как средству регулирования поведения в киберпространстве.

Во-первых, международное право не может служить средством предотвращения вмешательств с использованием информационных средств именно по причине сложности немедленной атрибуции: возникает сложность в обращении к гарантированному ст. 51 Устава ООН неотъемлемому праву на самооборону как политико-правовому обоснованию акта применения силы. До настоящего времени не сложилось сколько-нибудь авторитетной практики Совета Безопасности ООН и тем более Между-

---

¹²⁰ Федеральный закон от 01.05.2019 № 83-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111154> (дата обращения: 29.01.2020).

¹²¹ Всякая сторона конфликта считает свои действия априори «справедливыми», поэтому лишь третьи стороны, используя механизмы международного права, могут определять их как правомерные/неправомерные.

народного суда ООН в определении временных параметров для обращения к самообороне: должно ли ответное применение силы происходить немедленно или это возможно осуществить какое-либо время спустя? И не будут ли расценены такие действия, если они не проведены немедленно, а значительно позднее, как репрессалии? Что может быть законной целью для применяемой силы и для ответных мер? Какие способы могут использоваться? Ведь, как показано выше, современная практика в сфере МГП регламентирует осуществление «вооруженных» нападений лишь «кинетическим» оружием, а также устанавливает абсолютные запреты на использование химических, бактериологических, биологических и токсинных средств. Специальные же экономические и иные принудительные меры, а именно: экономическое давление, визовые запреты или другие действия, — не запрещаются международным правом, если они не приводят к масштабным страданиям. Чрезмерное же полагание на институт международного права в процессе исполнения государством международных обязательств в сфере международной безопасности и непринятие соразмерных ответных мер, не обязательно симметричных, может, как ни удивительно, свидетельствовать о его недостаточном политическом авторитете, слабой национальной мощи в целом.

Во-вторых, представляется маловероятной возможность заключения сколько-нибудь действенного соглашения в сфере недопустимости вмешательства с использованием информационных средств опять же ввиду сложности атрибуции актов применения силы и верификации последствий применения силы третьими сторонами, что является необходимым условием существования международных правовых норм. Так, например, единственным, по сути, соглашением в данной сфере является Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях 2001 г.¹²² Ее положения оказались заведомо неэффективными, поскольку не успевают за развитием технологического уклада. Кроме того, данная конвенция не предусматривает присвоения каких-либо мер международной ответственности государствами, если они сами вовлечены в противоправную деятельность.

Таким образом, в настоящее время невозможно построить стратегию противодействия информационным вмешательствам, дающую представление о разграничении собственно «информационной войны (информа-

---

¹²² Convention on Cybercrime (ETS No. 185) // Council of Europe [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (date of access: 01.02.2020). Россия в данном соглашении не участвует. США, не являясь членом Совета Европы, — участвуют.

ционного вооруженного конфликта)» и постоянно присутствующего в нашей жизни информационного противоборства. Сложность оценки причиненного государствам и их населению ущерба в когнитивной сфере и, соответственно, сопоставления с практикой присвоения ответственности за использование традиционных средств ведения вооруженного противоборства делает невозможным в ближайшее время формирование какого-либо адекватного универсального международного политико-правового режима противодействия информационным угрозам. Устранение угроз в киберпространстве является для государств общим интересом по обеспечению международной стабильности, но в настоящее время оно может осуществляться ими лишь самостоятельно.

Можно предположить, что Федеральный конституционный закон «О военном положении» должен также установить более широкий перечень действий (как минимум отсылая к разъясняющим нормам), которые можно относить к актам агрессии, осуществляемой посредством информационных воздействий. В цифровую эпоху объекты, выбираемые для поражения, могут иметь совершенно иные и неожиданные свойства, что обуславливает существование значительного числа подходов к классификации объектов информационного воздействия. Сила применяется против физических и виртуальных объектов не только в физическом, но и в информационном и когнитивном измерениях. Заявление в федеральном законодательстве перечня недопустимых агрессивных действий, осуществляемых с применением информационных средств и методов, будет по сути превентивной мерой, так как установит пороговые ограничения для осуществления вмешательства во внутренние дела государства извне для других международных акторов.

Для этого представляется необходимым осуществить значительный объем исследований для определения влияния информационных воздействий в когнитивном измерении на суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность государства. Но ответ будет найден очевидно не в праве, в котором необходимый методологический аппарат отсутствует, а в тех отраслях знаний, которые изучают свойства личности.

В настоящее время идет дискуссия о том, насколько широко могут толковаться пределы реализации суверенных компетенций в киберпространстве и возможно ли проводить кибероперации, которые нарушают суверенитет другого государства.

Вопрос о том, как должно определять содержание термина «суверенитет» при расширяющемся взаимодействии в киберпространстве, — один из наиболее спорных вопросов современных международных

отношений. Традиционное понимание суверенитета основано на постулате абсолютного контроля географически определенной территории, которая очевидным образом может быть делимитирована и демаркирована в процессе взаимодействий с другими суверенными акторами. Однако глобальная архитектура компьютерных сетей исключает расстояние и географию как факторы, абсолютно ограничивающие осуществление властных полномочий государствами и деятельность не связанных с государствами субъектов. Это, в свою очередь, неизбежно создает дилемму безопасности: в то время как современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) позволяют противникам оспаривать исключительную власть государств над «его собственным» киберпространством, следование традиционным представлениям о суверенитете, соответственно, может ограничивать возможности государств по активному противодействию вызовам и угрозам в глобальных сетях. Также необходимо отметить, что нормативная концепция «суверенитета» является результатом взаимодействия моральной философии и теории права в отношении вопроса объяснения существования и функционирования правовых и политических систем. А юрисдикция — это эмпирическая концепция, которая описывает и объясняет процессуальные аспекты взаимодействий таких систем. В международном дискурсе эти два аспекта неизбежно рассматриваются совместно, но очень часто, по вине пропаганды, в общественном сознании происходит смешение понятий «суверенитет» и «юрисдикция».

Суверенные полномочия государств предоставляют им возможность устанавливать юрисдикцию в отношении лиц, совершающих преступления с трансграничными последствиями. Так, например, Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 11 устанавливает уголовную ответственность лиц, совершивших преступление на территории государства¹²³, а в ст. 12 — вне ее пределов¹²⁴, если преступление направлено против интересов

¹²³ В том числе в пределах территориального моря или воздушного пространства, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне государства, на судне, приписанном к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, а также на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации независимо от места их нахождения.

¹²⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.12.2019).

Российской Федерации либо ее граждан или постоянно проживающих в России лиц без гражданства, а также против обязательств государства, закрепленных в международных договорах или иных документах международного характера в сфере уголовно-правовых отношений. Тем самым государство заявляет о распространении своих властных полномочий за пределы физической территории, таким образом оспаривая властные полномочия других субъектов международного права в пределах их собственной территории и в отношении подвластных им лиц. То есть происходит столкновение притязаний на осуществление суверенных полномочий.

Таким образом, можно согласиться с тем, что «компетенции государства определяются через присущее ему свойство суверенитета. В самом примитивном понимании „суверенитет“ означает исключительную власть, осуществляемую государством в пределах своей территории и в отношении своего населения и которая в некоторых случаях может осуществляться экстерриториально. В более широком смысле „суверенитет“ какого-либо государства следует понимать как меру согласия других участников международного общения с содержанием и способами реализации им своих властных полномочий»¹²⁵.

Для построения модели выхода из такой ситуации при защите национальных интересов предлагается исходить из двух крайних парадигм суверенитета¹²⁶. Во-первых, обязанность уважения суверенитета является нормой международного права, нарушение которого является международно-противоправным деянием. В киберконтексте это может проявляться как посягательство на территориальный суверенитет в результате осуществления киберопераций органом государства или иными лицами, чье поведение может быть присвоено какому-либо государству, если физические последствия таких действий сказываются в пределах территориальной юрисдикции другого государства, например в отношении критичных элементов инфраструктуры, в том числе информационно-коммуникационной инфраструктуры (далее — ИКИ), отдельных объектов, юридических или физических лиц. Так, например, посягательство на суверенитет имеет место при внедрении вредоносных программ в ИКИ другого государства.

---

¹²⁵ См.: Коростелев С. В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала.

¹²⁶ Jensen E. T. The Tallinn Manual 2.0: Highlights and Insights // *Georgetown Journal of International Law*. 2017. Vol. 48. P. 740–744.

Во-вторых, суверенитет по-прежнему является базовой правовой категорией, которая составляет основу организации современного международного порядка и обеспечивается нормами *jus cogens*, такими как запрет на применение силы, содержащийся в ст. 2, п. 4 и 7 Устава ООН, либо нормой обычного международного права о невмешательстве¹²⁷, с которой государства согласились как с составной частью Вестфальского концепта суверенного равенства. Но в настоящее время запреты на применение силы и невмешательство во внутренние дела уже не обладают императивным характером *jus cogens* сами по себе *вне единого контекста международной жизни, основанного на общем интересе безопасного сосуществования*. Государство, конечно же, имеет право противодействовать угрозам, исходящим с территории других государств, для обеспечения собственной национальной безопасности. Такого рода деятельность может опираться на концепцию «суверенитет как обязанность»¹²⁸, впервые сформулированную в Докладе тысячелетия Генерального секретаря ООН¹²⁹, в котором поднимался вопрос соотношения международно-правовых принципов суверенитета и невмешательства.

Балансируя между этими двумя крайними воззрениями на концепцию суверенитета, можно выделять также *ad hoc* подходы к толкованию содержания суверенитета относительно деятельности государств и физических лиц в киберпространстве. С этой точки зрения суверенитет является принципом, содержание которого определяется практическими императивами государств и зависит от затрагиваемой сферы межгосударственных и трансграничных взаимодействий.

---

¹²⁷ Принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом ООН не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства. См.: Декларация о принципах международного права...; Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства...

¹²⁸ Сущность данной концепции заключается в том, что «суверенитет предполагает строгое соблюдение обязательств перед своим народом и наделение определенными международными привилегиями: государство, выполняющее основные обязательства по защите и обеспечивающее основные права человека, защищено от вторжения из-за рубежа». См.: Коростелев С. В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях.

¹²⁹ Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря. П. 215–219 [Электронный ресурс] URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/389/00/IMG/N0038900.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.06.2015).

Но и в таком случае представляется очевидным, что проблема согласования интересов государств в киберпространстве по существу не является новой. На первый взгляд, есть факт сосуществования юридически несопоставимых парадигм. Но если исходить из того, что нормы международного морского, воздушного и космического права также согласовывались, отталкиваясь от территориального аспекта концепции суверенитета, то и киберправо в значительной своей части может быть описано и объяснено в тех же самых терминах.

В общем случае органы государственной власти не делают выводов о том, что киберактивность сама по себе является нарушением суверенитета, даже если эти действия имеют место и/или их последствия сказываются в другом государстве, но только если при этом не затрагивается публичный порядок (не затрагиваются государственные функции государства — объекта вмешательства) и последствия такой активности в инфраструктуре и на территории другого государства не причиняют масштабного ущерба и вреда.

Именно покушение на публичный порядок (*ordre public*) и масштаб последствий определяют правовые и политические пороги для киберактивности в отношении конкретного государства.

Для определения таких порогов на государство возлагается политическое обязательство по публичному заявлению своих взглядов на то, как существующее международное право применимо к поведению акторов в киберпространстве.

Учитывая, что традиционное понимание суверенитета исторически доктринально связывается с осуществлением власти в географически определенном пространстве, сразу же возникает вопрос, в каком объеме его можно применить к киберпространству, в котором непрерывно осуществляются трансграничные взаимодействия. Не менее важным является вопрос, насколько эта деятельность подчиняется юрисдикции государств, если она осуществляется на основе технической инфраструктуры, не связанной с их территорией.

Киберпространство в некотором смысле является *res communis omnium* — общим достоянием человечества, в котором взаимодействия осуществляются на принципах взаимосвязанности, анонимности и простоты входа. Возможно, что, как когда-то в международном морском праве были сформулированы принципы (свободы открытого моря), которыми руководствуются все участники деятельности в морских пространствах, в том числе не имеющие выхода к морю, и установлен правовой режим для различных категорий морских пространств,

сходным образом следует подходить к формированию правового режима киберпространства, состоящего из различных зон (слоев), объем правомочий государств в которых будет определяться в зависимости от масштаба связанности конкретной структуры Интернета с территорией государства — центрального элемента концепции суверенитета.

Сложность описания правового режима киберпространства коренится в его «многоуровневой» организации, где число таких назначаемых уровней зависит от целей обращения к киберпространству. Так, например, для целей ведения боевых действий выделяются три уровня, на которых будут определяться объекты для поражения: физическая сеть, логическая сеть, пользователь сети (*cyber-persona*)¹³⁰. Для разработчиков, эксплуатантов и аналитиков сетей важны другие критерии, и по ряду предложений глобальная сеть может включать до семи уровней (физический, передачи данных, сетевой, транспортный, сеансовый, представления данных, приложений)¹³¹.

Многоуровневая организация, в свою очередь, позволяет описать и объяснить особенности правового регулирования для деятельности в киберпространстве по сравнению с физическим географически определенным пространством: хотя технические компоненты, которые составляют основу глобальных компьютерных сетей, имеют уникальное физическое местоположение, оно само по себе лишь в исключительных случаях интересует пользователей киберпространства. Необходимость особого регулирования киберпространства формируют логический и социальный уровни, которые создают глобальную платформу для обмена информацией, услугами и осуществления практически бесконечного числа видов деятельности без оглядки на границы между государствами. Но поскольку в международном сообществе все взаимодействия осуществляются относительно концепта государственного

¹³⁰ Joint Publication 3-12. Cyber Space Operations. Chapter I. 2. The Nature of Cyberspace [Electronic resource]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_12.pdf (date of access: 15.02.2021).

¹³¹ См.: Ch. 17 “Network Concepts” // *Systems Maintenance Handbook* / ed. J. C. Whitaker. 2nd ed. CRC Press LLC, 2002 [Electronic resource]. URL: <https://epdf.pub/electronic-systems-maintenance-handbook-second-edition.html> (date of access: 15.12.2019); ГОСТ Р ИСО/МЭК 7498-4-99. Информационная технология. Взаимосвязь открытых систем. Базовая эталонная модель. Ч. 4. Основы административного управления [Электронный ресурс]. URL: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=124253&pageK=34DF434B-29DA-47D3-96C9-D7AB1D535D5D> (дата обращения: 09.12.2019).

суверенитета, то возникает вопрос о применимости в киберпространстве традиционной нормы, содержащей абсолютный запрет каких-либо посягательств на территориальные правомочия государств, или необходимости ее толкования таким образом, чтобы была возможность учесть особенности организации киберпространства.

В приведенных выше примерах, а также в аналогичных случаях мы видим разделение суверенных правомочий в отношении физически определенной территории государств (где могут храниться данные) и их правомочий в отношении данных. Хотя государство обладает юрисдикцией в отношении размещенной на его территории инфраструктуры и находящихся в ней данных, сами данные уже, как правило, не увязываются с его территорией. Как считает Комиссия Европейского союза, государства не обладают исключительными правами на регламентацию доступа к информации¹³², в отличие от прав контроля государственной территории. Конечно же, это не относится к чувствительной правительственной информации. А собственно правом на регулирование доступа к информации обладает государство, на территории которого предлагаются услуги и/или находятся пользователи информации.

В данном контексте очень полезным является рассмотрение проблемы реализации суверенных правомочий в отношении ИКИ и данных правительством Эстонии. Предполагая, что ИКИ в пределах национальной территории может быть разрушена извне, правительство Эстонии реализовало концепцию «электронного посольства»¹³³. В одном

---

¹³² «The data ordered through a European Production Order should be provided directly to the authorities without the involvement of authorities in the Member State where the service provider is established or represented. The Regulation also moves away from data location as a determining connecting factor, as data storage normally does not result in any control by the state on whose territory data is stored. Such storage is determined in most cases by the provider alone, on the basis of business considerations». См.: [Предложения к правилам Европейского парламента и Совета по Европейскому ордеру о представлении и сохранности электронных доказательств в уголовных делах] Chapter 1: Subject Matter, Definitions and Scope. Article 1: Subject Matter // Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Production and Preservation Orders for Electronic Evidence in Criminal Matters. COM/2018/225 final — 2018/0108 (COD) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A225%3AFIN> (date of access: 12.12.2019).

¹³³ Implementation of the Virtual Data Embassy Solution. Summary Report of the Research Project on Public Cloud Usage for Government, Conducted by Estonian Ministry of Economic Affairs and Communications and Microsoft Corporation [Electronic

случае («физическое посольство») правительственная и иная важная для населения информация, например о правах собственности, а также персональные данные хранятся на ресурсах, которые находятся на территориях дипломатических представительств Эстонии в дружественных государствах. В другом случае («виртуальное посольство») данные размещаются на частных облачных ресурсах.

Это положение свидетельствует о сосуществовании двух «параллельных» юрисдикций. Первая основана на принципе территориальности ИКИ, хранящей данные, вторая — на территориальной доступности предлагаемых услуг и национальности или местожительстве владельца данных. Поэтому подобно тому, как это сделано в морском праве, мы можем концептуализировать киберпространство как состоящее из разных зон (или слоев) суверенных полномочий в зависимости от близости к сфере исключительной государственной власти, которая составляет ядро суверенитета.

Современная международная практика, равно как и национальное законодательство и судебные решения, касающиеся юрисдикции в отношении трансграничной деятельности, показывают, что хотя государства подчеркивают исключительный характер своих правомочий и юрисдикции в отношении физического уровня киберпространства в силу принципа территориальности, его логический и социальный уровни открыты для трансграничных проявлений юрисдикции других государств в силу самой структуры Интернета. Можно утверждать, что киберпространства открыты для осуществления государственной власти на основе критерия близости, т. е. в тех случаях, когда государство может установить подлинную связь с цифровыми объектами или онлайн-персонами (или киберперсонами), в отношении которых могут осуществляться властные полномочия.

Подобно критерию «подлинной связи», установленному Международным судом ООН в делах «Nottebohm»¹³⁴ и «Barcelona Traction»¹³⁵, используемому для определения того, может ли государство осуществлять экстерриториальную юрисдикцию, критерий близости описывает степень связи между данными или услугами, хранящимися за границей, и госу-

---

resource]. URL: https://www.mkm.ee/sites/default/files/implementation_of_the_virtual_data_embassy_solution_summary_report.pdf (date of access: 17.12.2019).

¹³⁴ International Court of Justice. Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala) [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/18/summaries> (date of access: 16.12.2019).

¹³⁵ International Court of Justice. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/50/5389.pdf> (date of access: 16.12.2019).

дарством. Поэтому критерий близости является не абсолютным, но скорее относительным, в зависимости от конкретной ситуации и сталкивающихся соответствующих национальных интересов. Следующие критерии, установленные в случаях, касающихся экстерриториального доступа к данным, могут включать факторы для определения близости в случаях перекрывающихся притязаний на суверенитет: степень, в которой затрагивается конкретная национальная территория, затрагиваемые интересы, местоположение и национальность владельца данных, основная территория, с которой осуществляется доступ к данным и на которую они адресуются, а в случае предоставления услуг — характер и масштабы связей поставщика услуг с территориальным государством.

Неразвитость современного международного правового режима противодействия информационным угрозам и неопределенный объем суверенных полномочий государств в глобальных сетях объясняются тем, что международное сообщество обычно не ведет переговоры по разработке и заключению договоров для решения проблем до тех пор, пока их последствия, а не гипотетические возможности, не начнут ощущаться. Лишь проявление последствий какой-либо деятельности дает толчок к решению возникающих проблем. Так, например, «начало развития тяжелой воздушной авиации совпало с Первой мировой войной, во время которой была ясно продемонстрирована военная мощь самолетов для сбора разведывательных данных, нападения на наземные силы и бомбардировки вражеских городов. Результатом стал крайне ограниченный режим воздушного права, при котором любое вхождение в воздушное пространство государства без его разрешения следует рассматривать как серьезное нарушение его суверенитета и территориальной целостности»¹³⁶. Данное положение контрастирует с положениями космического права, которое определяет доступность космического пространства для использования всеми, поскольку в начале космической эпохи аппараты для исследования космоса не представляли угрозы для объектов на земле, в отличие от летательных аппаратов, несмотря на то что в обоих случаях происходят пролеты над территорией государств. Именно отсутствие измеримой угрозы наземным объектам стало тем фактором, который определил, что находящиеся на орбите объекты расположены за пределами территориальных притязаний любой нации.

---

¹³⁶ U. S. Department of Defense Office of General Counsel. An Assessment of International Legal Issues in Information Operations. May 1999. P. 2 [Electronic resource]. URL: <https://fas.org/irp/eprint/io-legal.pdf> (date of access: 05.12.2019).

Что касается физического уровня киберпространства, то подконтрольность государству является абсолютно преобладающей по критерию территории в дискуссии об объеме суверенных правомочий. Это отражает международный консенсус о применимости международного права в киберпространстве, описанный Группой правительственных экспертов ООН в докладах за 2013¹³⁷ и 2015¹³⁸ гг., в которых установлено, что суверенитет и правила юрисдикции государства применяются к ИКИ, расположенной на территории государства.

Так, например, п. «е» Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности¹³⁹ подтверждает права и обязанности каждого государства, в соответствии с надлежащими нормами и правилами, в отношении законной защиты своего информационного пространства и критической информационной инфраструктуры от ущерба в результате угроз, вмешательства, атак и актов агрессии. То есть речь идет прежде всего о территориальных правомочиях государств. Очевидным образом, следует предполагать, что суверенные правомочия государства не могут быть безусловно распространены на логический и социальный уровни Интернета, и возможно говорить лишь о праве осуществления юрисдикции государства в ограниченном числе ситуаций, например определенных в ст. 11 и 12 Уголовного кодекса РФ.

Государства регулярно отстаивают свое право на осуществление юрисдикции над компонентами физического уровня, например, устанавливая нормативные стандарты или требования безопасности. И также можно заявить, что какого-либо «информационного» суверенитета существовать не может вне пределов государственной территории. Не может же госу-

---

¹³⁷ Документ ООН A/68/98. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/68/98> (дата обращения: 03.12.2019).

¹³⁸ Документ ООН A/70/174. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (дата обращения: 03.12.2019).

¹³⁹ Приложение к письму постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности // Документ ООН A/66/359 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/66/359> (дата обращения: 10.12.2019).

дарство заявлять о праве устанавливать какие-либо правила в отношении информационного пространства, элементы инфраструктуры которого и тем более информация физически находятся вне его территориальной юрисдикции. Нельзя смешивать понятия «суверенитет» и «юрисдикция». Тому, что в этом вопросе существует согласие между большинством государств, даже теми из них, которые придерживаются совершенно полярных воззрений на объем прав и обязанностей государств в киберпространстве, можно найти подтверждение в практике государственных органов США и Китая.

Заключение

В настоящее время система государств, формализованная в парадигме сотрудничества Устава ООН, — это «идеальная» институциональная оболочка для международного сообщества, но в реальности отношения в ней являются конкурентными. Виды взаимодействий акторов в современном негомогенном стратегическом континууме представляют собой сочетание многополярности, многосторонности, фрагментированности и сетевой организации — в зависимости от распределения баланса сил и состояния государственного управления. Первые две парадигмы взаимодействия более характерны для описания поведения сильных государств, в то время как две последние — для территорий со слабым государственным управлением.

В парадигме многополярности главными международными акторами являются наиболее мощные державы, которые образуют с другими государствами блоки либо на основе признания общих ценностей, либо по принципу географической близости. Сотрудничество членов блока осуществляется под руководством основной державы, а сами блоки конкурируют за власть и влияние.

В парадигме многосторонности государства продолжают оставаться наиболее влиятельными акторами мирового порядка. Характеристикой такого мира предполагается следование ответственному и добросовестному управлению, когда все государства должны полагаться на многосторонние институты для решения глобальных вызовов, признания существования правовых ограничений и обязанности мирного разрешения споров. Союзы в такой парадигме образуются даже конкурирующими государствами на основе определения общих для них в данный конкретный момент угроз.

В парадигме сетевой организации власть локализуется у отдельных государств и не связанных с ними акторов. Корпорации и руководители мегаполисов являются основными акторами-«негосударствами», но при этом предполагается, что абсолютно все акторы заинтересованы в сотрудничестве для эффективного реагирования на глобальные вызовы и обеспечения результативного управления в общих интересах.

В парадигме фрагментированности государства, корпорации, мегаполисы и не связанные с государствами акторы, включая оппозиционные движения и организованные преступные группы, конкурируют за власть. Сотрудничество в данной парадигме является редким явлением, и к нему обращаются только в тех случаях, когда оно предоставляет актору преимущества для продвижения лишь его собственных, но не общих интересов.

Три ключевых фактора, объясняющих возникновение такой среды безопасности:

- изменился баланс между глобальной и региональной мощью — все больше участников могут бросить вызов статус-кво;
- сформировались сложные взаимозависимости в рамках глобальной политической экономики, что означает, что государства стали более уязвимыми;
- технологическая конвергенция привела к тому, что у большего числа акторов появились средства для причинения значительного ущерба сопернику.

С возникновением глобальных акторов-«негосударств», чьи возможности зачастую соизмеримы с мощью национальных государств и их объединений и поведение которых уже не может быть предписано великими державами, происходят изменения в среде системы национальных государств, глобальных институтов, глобальной инфраструктуры. В каждый конкретный момент времени участниками взаимодействий могут оказаться акторы, существующие и действующие одновременно как в одной, так и в нескольких перечисленных выше парадигмах.

При этом поведение государств является достаточно хорошо предсказуемым ввиду институциональных ограничений, которые были ими же сформированы в течение нескольких столетий развития современной системы государств. Государства признают такие ограничения как обязывающие и принуждают к их исполнению тех участников международных взаимодействий, которые допускают чрезмерные отклонения от ожидаемых стандартов поведения. А поскольку политическая цель ответственного правительства в любом случае должна заключаться в непрерывном обеспечении безопасности с сохранением при этом высокого уровня жизни своих граждан и поддержки основных ценностей общества в условиях соревнования за ресурсы с другими акторами, то обращение к жестким способам конкуренции является хотя и нежелательным, но неизбежным элементом обеспечения стабильности международной системы и сохранения статус-кво.

Политический механизм государства должен изменяться в соответствии с требованиями внешней среды и внутренней политической конкуренции. Иногда внешнее давление требует ослабления государства, но иногда государство само должно двигаться в сторону своего ослабления для поддержания инициативы и привлечения ресурсов своих частных национальных акторов, но не в том направлении, которое диктуют внешние акторы.

Процесс поиска новых сфер приложения усилий и рынков предполагает опору государств на какие-либо ресурсы. Одним из важнейших ресурсов, обеспечивающих решение задач национальной безопасности, является воля народа. Убеждение населения в причастности к формированию национальной идеи может быть осуществлено только через личную заинтересованность граждан, через обеспечение их критичных потребностей, в том числе в самореализации. Поэтому разработка понятной народу и обеспеченной ресурсами стратегии национальной безопасности и подчиненной ей военной стратегии (стратегии применения силы) является обязанностью органов государственной власти.

Процесс разработки и формулирования политики в сфере обеспечения национальной безопасности основан на выявлении и ранжировании:

- национальных интересов, а также опасностей, угроз и рисков их необеспечения;
- национальных целей (желаемого состояния международных отношений, т. е. положения нации в международной системе неоднородных акторов, которые могут иметь сходные или конкурирующие цели) с учетом внутринациональных аспектов организации общества;
- имеющихся или необходимых ресурсов (средств) для достижения национальных целей;
- доступных способов достижения национальных целей с учетом их осуществимости (есть ли у нации средства для реализации способов их достижения); допустимости (есть ли у проводимой государством политики внутринациональная поддержка, что определяется реакцией общества на вопросы ее законности, этичности, затратности и т. д.); рациональности (действительно ли нужно стремиться к таким желаемым целям в данных определенных условиях).

Ранжирование, т. е. определение уровня значимости интересов, необходимо для ограничения заведомо субъективных возможностей органов государственной власти по произвольному выбору целей и, как следствие, несоответствия этих целей (желаемых состояний) ресурсам (средствам), которые всегда конечны. Ранжирование интересов и вытекающих из них

целей, перераспределение ресурсов — непрерывный процесс в связи с переменчивостью среды безопасности.

Стратегия применения силы должна в таких условиях непрерывно изменять свое содержание в пределах парадигмы «сотрудничество/понуждение/принуждение». С высокой степенью условности к «понуждению» можно относить воздействие на конкурирующих акторов с использованием информационных, экономических, дипломатических, правовых и иных «невоенных» средств, а к «принуждению» — обращение к использованию средств и методов ведения военных действий.

ЛИТЕРАТУРА

Научные труды

1. *Герасимов В.* Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8(476) [Электронный ресурс]. URL: <https://vrk-news.ru/print/articles/14632> (дата обращения: 21.05.2021).
2. *Ирошников Д. В.* Документы стратегического планирования в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 3(35). С. 33–38.
3. *Коростелев С. В.* «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях // Управленческое консультирование. 2015. № 8(80). С. 26–31.
4. *Коростелев С. В.* Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы // Управленческое консультирование. 2016. № 3(87). С. 24–35.
5. *Коростелев С. В.* К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5(113). С. 19–29.
6. *Коростелев С. В.* О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы // Управленческое консультирование. 2015. № 6(78). С. 50–57.
7. *Коростелев С. В.* Об эпифеноменальном характере международного права // Управленческое консультирование. 2013. № 12(60). С. 29–34.
8. *Коростелев С. В.* Основы теории легитимации актов применения силы для защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях становления новой геополитической модели мира. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 288 с. ISBN 978-5-86007-890-1.
9. *Коростелев С. В.* Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху // Управленческое консультирование. 2020. № 6(138). С. 41–49.
10. *Коростелев С. В., Качук В. Н.* Некоторые аспекты влияния статуса нейтральности на торговые отношения государств // Вестник ИНЖЭКОНа. 2011. Серия: Экономика. № 3(46). СПб. : ИзПК СПбГИЭУ, 2011. С. 218–221.

11. *Коростелев С. В.* Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях : дис. ... д-ра полит. наук. Специальность 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. СПб., 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_korostelev.pdf (дата обращения: 14.02.2022).
12. Миротворческие силы ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/msodkb.php> (дата обращения: 15.12.2021).
13. Нюрнбергский процесс : сборник материалов / под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.), Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. Т. I. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Госюриздат, 1954.
14. *Шалкус Г. А.* Создание и деятельность японских концессий на северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-i-deyatelnost-yaaponskih-kontsessiy-na-severnom-sahaline-v-1925-1944-gg/viewer> (дата обращения: 11.07.2021).
15. *Cardwell C. M.* NSC 68 and the foreign policy of postwar prosperity: Political economy, consumer culture, and the Cold War. Rutgers. The State University of New Jersey — New Brunswick. ProQuest Dissertations Publishing, 2006. 3203365. P. 72.
16. Ch. 17 “Network Concepts” // Systems Maintenance Handbook / ed. J. C. Whitaker. 2nd ed. CRC Press LLC, 2002 [Electronic resource]. URL: <https://epdf.pub/electronic-systems-maintenance-handbook-second-edition.html> (date of access: 15.12.2019).
17. *Cullen P. J., Reichborn-Kjennerud E.* MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare : A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.
18. *Harp J. F.* The Evolution of the Trinity: A 21st Century “Hybrid” War Theory. USAWC Strategy Research Project. 2011. P. 12.
19. Implementation of the Virtual Data Embassy Solution. Summary Report of the Research Project on Public Cloud Usage for Government, Conducted by Estonian Ministry of Economic Affairs and Communications and Microsoft Corporation [Electronic resource]. URL: https://www.mkm.ee/sites/default/files/implementation_of_the_virtual_data_embassy_solution_summary_report.pdf (date of access: 17.12.2019).
20. *Jensen E. T.* The Tallinn Manual 2.0: Highlights and Insights // Georgetown Journal of International Law. 2017. Vol. 48. P. 740–744.

21. *McInnis K. J., Weiss M. A.* Strategic Competition and Foreign Policy: What is “Political Warfare”? // IF11127. 2019. March 8 [Electronic resource]. URL: <https://crsreports.congress.gov> (date of access: 15.12.2021).
22. *Mumford A.* Ambiguity in hybrid warfare // Hybrid CoE Strategic Analysis. 2020. Vol. 24. P. 5 [Electronic resource]. URL: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/09/202009_Strategic-Analysis24-1.pdf (date of access: 26.05.2021).
23. *Nordquist M. H.* What Color Helmet? // Newport Papers. 1997. Vol. 11 [Electronic resource]. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/usnwc-newport-papers/11> (date of access: 27.05.2021).
24. *Rostow E. V.* A Breakfast for Bonaparte: U. S. National Security Interests from the Heights of Abraham to the Nuclear Age. National Defense University Press, 1996. P. 446. ISBN 0-16-035969-4.
25. *Sarkesian S. C.* U. S. National Security: Policymakers, Processes, and Politics. 2nd ed. 1995. P. 4–29. ISBN 1-55587-411-8.
26. The Trajectory of the United States in the World-System: A Quantitative Reflection [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/240760686_The_Trajectory_of_the_United_States_in_the_World-System_A_Quantitative_Reflection/figures?lo=1 (date of access: 20.11.2021).
27. The U. S. Share of the Global Economy Over Time [Electronic resource]. URL: <https://www.visualcapitalist.com/u-s-share-of-global-economy-over-time/> (date of access: 12.11.2021).
28. *Wigg R.* Churchill and Spain: the Survival of the Franco Regime, 1940–45. Portland, Or. : Sussex Academic Press/ISBS, 2008. P. xiv, 253.
29. *Yarger H. R.* Strategic Theory for the 21st Century: The Little Book on Big Strategy. Carlisle Barracks, PA : U. S. Army War College, Strategic Studies Institute, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/> (date of access: 15.11.2022).

Нормативные правовые и политико-программные документы

1. ГОСТ Р ИСО/МЭК 7498-4-99. Информационная технология. Взаимосвязь открытых систем. Базовая эталонная модель. Часть 4. Основы административного управления [Электронный ресурс]. URL: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=124253&pageK=34DF434B-29DA-47D3-96C9-D7AB1D535D5D> (дата обращения: 09.12.2019).
2. [Документ ООН А/2006 (XIX)] Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects [Electronic resource]. URL: <http://www.worldlii.org/int/other/UNGA/1965/12.pdf> (date of access: 11.01.2022).

3. Документ ООН А/3354. Резолюции, принятые ГА ООН во время Первой Чрезвычайной сессии с 1 по 10 ноября 1956 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/3354> (дата обращения: 12.01.2022).
4. [Документ ООН А/47/277–S/24111. Повестка дня для мира] An Agenda for Peace Preventive diplomacy, peacemaking and peacekeeping [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/A_47_277.pdf (date of access: 10.12.2021).
5. [Документ ООН А/50/60–S/1995/1. Дополнение к Повестке дня для мира] Supplement to an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary-General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations [Electronic resource]. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/UNRO%20S1995%201.pdf> (date of access: 01.12.2021).
6. Документ ООН А/60/1. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 14.02.2022).
7. Документ ООН А/63/677. Последующие меры по итогам Саммита тысячелетия Выполнение обязанности защищать. Доклад Генерального секретаря (2009).
8. [Документ ООН А/63/749] Letter dated 26 February 2009 from the Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations addressed to the Secretary-General [Electronic resource]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/63/749> (date of access: 17.12.2021).
9. Документ ООН А/66/359. Приложение к письму постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс] URL: <https://undocs.org/ru/A/66/359> (дата обращения: 10.12.2019).
10. Документ ООН А/68/98. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс] URL: <https://undocs.org/ru/A/68/98> (дата обращения: 03.12.2019).
11. Документ ООН А/69/968–S/2015/490. Идентичные письма от 29 июня 2015 года Председателя Консультативной группы экспертов по обзору миростроительной архитектуры на имя Председателя Генеральной Ассамблеи и Председателя Совета Безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/69/968> (дата обращения: 14.12.2021).

12. Документ ООН А/70/174. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс] URL: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (дата обращения: 03.12.2019).
13. Документ ООН А/72/707–S/2018/43. Миростроительство и сохранение мира. Доклад Генерального секретаря, п. 15 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/72/707> (дата обращения: 13.12.2021).
14. Документ ООН А/RES/2131(XX). Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2131%20%28XX%29> (дата обращения: 15.06.2021)
15. Документ ООН А/RES/2200 А (XXI). Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 14.02.2021).
16. Документ ООН А/RES/2200(XXI). Международный пакт о гражданских и политических правах. Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 27.11.2021).
17. Документ ООН А/RES/2625(XXV). Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 27.11.2021).
18. Документ ООН А/RES/2734(XXV). Декларация об укреплении международной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2734%20%28XXV%29> (дата обращения: 15.06.2021).
19. Документ ООН А/RES/3314(XXIX). Определение агрессии [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/3314%20%28XXIX%29> (дата обращения: 15.06.2021).
20. Документ ООН А/RES/36/103. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Резолюция 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 03.12.2019).

21. Документ ООН A/RES/375(IV). Проект Декларации прав и обязанностей государств [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/375%28IV%29> (дата обращения: 29.11.2021).
22. Документ ООН A/RES/70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 20.11.2021).
23. Документ ООН S/26610. Соглашение о Коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению (Москва, 25 сентября 1993 г/) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/573/38/IMG/N9357338.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.12.2021).
24. Документ ООН S/RES/968 [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/968\(1994\)](https://undocs.org/ru/S/RES/968(1994)) и [https://undocs.org/en/S/RES/968\(1994\)](https://undocs.org/en/S/RES/968(1994)) (дата обращения: 21.12.2021).
25. [Документ ООН PCNICC/2000/WGCA/DP.4] The crime of aggression: a further informal discussion paper: proposal / submitted by German [Electronic resource]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/427569?ln=ru> (date of access: 12.12.2022).
26. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/151742324-Konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv.html> (дата обращения: 26.11.2021).
27. Конвенция о дипломатических сношениях [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 17.01.2020).
28. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 17.01.2020).
29. [Конвенция о компьютерных преступлениях] Convention on Cybercrime (ETS No. 185) [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (date of access: 01.02.2020).
30. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 21.11.2021).
31. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 21.11.2021).

32. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 27.11.2021).
33. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 24.11.2021).
34. Миростроительство в рамках всей системы. Доклады Генерального секретаря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/peacebuilding/ru/policy-issues-and-partnerships/policy/sg-reports> (дата обращения: 12.12.2021).
35. Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры» [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov (дата обращения: 15.11.2021).
36. Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «Об участии государства — участника СНГ в миротворческих операциях», принят постановлением МПА СНГ № 23-6 от 17.04.2004 [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 24.12.2021).
37. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/389/00/IMG/N0038900.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04 июня 2015).
38. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1941.html> (дата обращения: 13.11.2015).
39. Положение о Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901124> (дата обращения: 17.12.2021).
40. Приложение к постановлению Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 29.11.2021 № 14-7.2 [Электронный ресурс]. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-omirotvorcheskoy-deyatelnosti-i> (дата обращения: 21.12.2021).
41. Страны, вносящие основной взнос в регулярный бюджет ООН в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/aboutun/finance/contrib.shtml> (дата обращения: 16.11.2021).
42. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.12.2019).

43. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 21.11.2021).
44. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.11.2021).
45. Федеральный закон № 93-ФЗ от 23.06.1995 «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9012344> (дата обращения: 21.12.2021).
46. Федеральный закон № 83-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111154> (дата обращения: 29.01.2020).
47. International Court of Justice. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/50/5389.pdf> (date of access: 16.12.2019).
48. International Court of Justice. Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala) [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/18/summaries> (date of access: 16.12.2019).
49. Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540 (date of access: 15.02.2021).
50. Joint Publication 3-12. Cyber Space Operations. Chapter I. 2. The Nature of Cyberspace [Electronic resource]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_12.pdf (date of access: 15.02.2021).
51. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Production and Preservation Orders for Electronic Evidence in Criminal Matters. COM/2018/225 final — 2018/0108 (COD). Chapter 1: Subject Matter, Definitions and Scope. Article 1: Subject Matter [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A225%3AFIN> (date of access: 12.12.2019).
52. U. S. Department of Defense Office of General Counsel. An Assessment of International Legal Issues in Information Operations. May 1999 [Electronic resource]. URL: <https://fas.org/irp/eprint/io-legal.pdf> (date of access: 05.12.2019).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Станислав Валентинович Коростелев

**КОНТУРЫ СТРАТЕГИИ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Монография

Директор изд.-полигр. центра *Е. Ю. Князев*

Редактор *Т. А. Темкина*

Корректор *Т. А. Темкина*

Верстка *С. И. Широкой*

Подписано в печать 27.12.2022.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,4. Тираж 200 экз.

Комплекс издательско-типографских работ выполнен
в Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
в издательско-полиграфическом центре СЗИУ РАНХиГС
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел.: (812) 335-42-10. Факс: (812) 335-42-16. E-mail: ph-sziu@ranepa.ru